ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 52 (2435) Среда, 30 июня 1948 г. Цена 40 коп.

Наша воля к труду

Живой и практической деятельностью миллионов людей назвал товарищ Сталин наши производственные планы. В исторической речи на совещании хозяйственников Иосиф Виссарионович сказал: «Реальность нашего производственного плана—это миллионы трудящихся, творящие новую жизнь. Реальность нашей программы — это живые люди, это мы с вами, наша воля к труду, наша готовность работать по-новому, наша решимость выполнить план».

Большие и радостные чувства рождают идущие со всех концов нашей земли сообщения об успешном выполнении государственных планов. Сегодня кончается первая половина третьего решающего года пятилетки, а тысячи коллективов в стране уже трудятся в счет планов последующих месяцев. Передовой отряд народа — славные москвичи — задолго до срока реализовали план первого полугодия по валовой продукции. Ленинградские стахановцы прославили себя новыми замечательными достижениями. Горняки Донбасса и металлурги Урала, машиностроители Сибири и текстильщики Иванова, нефтяники Грозного и бумажники Кондопоги добились в минувшем полугодии огромных успехов. В нашей стране сейчас много людей, обогнавших время. Герасим Запорожец и Наталья Дубяга, Василий Матросов и Александр Тюренков, Яков Троян и Анна Кувшинова и рядом с ними сотни тысяч людей уже работают по нормам будущих лет.

В стране социалистического планирования одинаково успешно развиваются все отрасли — и тяжелой, и легкой, и пищевой промышленности, растет жилищное строительство, механизируется и облегчается труд. Неуклонно осуществляя механизацию производства, стремясь облегчить труд человека, наши заводы в первой половине третьего решающего года пятилетки выпустили значительно больше экскаваторов, электровозов, врубовых машин, горных комбайнов, электропил, самосвалов, нежели за те же месяцы прошлых лет. Советские люди добиваются все новых и новых успехов в борьбе за осуществление пятилетки в четыре года.

В стихотворении «Американцы удивляются», посвященном выполнению первой пятилетки в четыре года, Владимир Маяковский обращался к заокеанским хулителям пятилеток:

Мистеры,
у вас
практикуется исстари
деньгой
окупать
строительный норов.
Вы
не поймете,
пухлые мистеры,
корни
рвения
наших коммунаров.

Маяковский писал: «На работе, в аэроплане, в вагоне» мы, советские люди, «Америку и догоним и перегоним».

И вот ныне во многих странах, на международных выставках, люди с восторгом отзываются о советских изделиях — легковых машинах и самоходных комбайнах, тракторных плугах и зерносушилках, экскаваторах и линотипах, качественных сталях и медикаментах, измерительных приборах и предметах одежды. Миллионы простых людей за рубежом видят, каких успехов добился народ, который не позволил надеть на себя цепи экономической зависимости от капитализма и сам, без чьей-либо помощи, взошел на вершины технического прогресса, удивляя мир своими творческими возможностями. С высот, достигнутых к исходу первой половины 1948 года, советские люди еще и еще раз убеждаются в том, какое значение имеет их труд для дела мира и прогресса и как велико международное значение успешно осуществляемых пятилеток. «История показала, что пятилетка является не частным делом Советского Союза, а делом всего международного пролетариата» (И. Сталин).

Советский человек, выполняющий пятилетку, — герой нашего времени. «Что это за люди породы редкой?..» — до сих пор изумляется мир. Это — представители нового поколения, воспитанного партией большевиков, добивающиеся мощного расцвета производительных сил своей социалистической Родины. Это — люди новой формации, культурные, рачительные хозяева.

Сегодня мы печатаем статью писателя В. Юрезанского «Торжество созидания». Техническая книга о втором рождении Днепрогэса вызывает множество сравнений, которые помогают понять величие всего созданного советским человеком, человеком труда и подвига. Вот такие люди, которые целеустремленно, со стальной твердостью действуют, выполняя пятилетку в четыре года, — это и есть герои нашего времени. Эти люди дважды защитили свою страну от военной угрозы, отстояли ее и в экономических битвах.

Книга «Восстановление Днепровской гидростанции им. Ленина», о которой рассказывается в статье «Торжество созидания», может подсказать советскому писателю новые темы. Таких книг у нас теперь много. В самом деле, если собрать все изданные Профиздатом после войны записки бывалых людей — мастеров труда Андрея Куликова и Клавдии Зеновой, Марии Волковой и Пантелея Рындина, Марии Калининой и Леонтия Борискина, Герасима Запорожца и Анны Кувшиновой,—какое яркое созвездие советских биографий загорится перед нами, какая большая и коллективная воля к труду отражена в этих книгах советских людей! Писатель не может пройти мимо этих книг, мимо больших характеров, отраженных в них.

Долг литераторов — помочь и созданию документальных повествований, подобных тому, которое напечатано в последней книге журнала «Октябрь». Речь идет о записках Паши Ангелиной «Люди колхозных полей». Эта автобиографическая повесть—материал для больших раздумий, обобщений и выводов. Таковы были в годы первых пятилеток «Записки» И. Коробова, И. Бардина, М. Мазая, «Рассказ о моей жизни» А. Стаханова и других; «Люди с чистой совестью» П. Вершигоры, «В крымском подполье» И. Козлова, «От Путивля до Карпат» С. Ковпака, опубликованные после войны. Наше время — время первой послевоенной пятилетки — создает благодатную почву для развития традиций документально-художественной литературы.

Героя пятилетки мы хотим увидеть и в очерке, и в романе, и в поэме, и в пьесе. С большим интересом относятся советские люди к самому мобильному жанру своей литературы, ее наиболее подвижному роду оружия — очерку. Присуждением Сталинских премий за очерки наряду с романами и поэмами, повестями и пьесами наш народ проявил свое уважение к очерку.

К сожалению, несмотря на многочисленные декларации редколлегий разных журналов, очерк пребывает еще на задворках. Создается впечатление, что в редакциях не знают о важнейших событиях индустриальной, колхозной, культурной жизни страны, не планируют заранее поездок писателей в соответствии с народнохозяйственным планом.

Если бы это было не так, по-иному выглядели бы разделы очерков в журналах «Новый мир», «Звезда», «Знамя». Самотек и случайность отражены на страницах, отведенных под очерки. Какой журнал, кроме «Октября», рассказал об индустриальных битвах на площадке «Запорожстали»? Кто описал стройку «Азовстали» в третьем решающем году пятилетки? Кто дал картину роста и развития Магнитогорска? Кто посвятил себя раскрытию темы скорости, высокой производительности, «транспортировки опыта», показу людей — борцов со «средней цифрой» и «средней нормой»?

И в планах издательств «Советский писатель», «Московский рабочий» и других очерку не отведено достойное место. Даже на планах Профиздата, который специально призван заниматься изданием очерковой литературы, лежит отпечаток случайности.

«Трудом концентрированной энергии миллионов», как писал Горький, совершаются в стране великие дела. Ускоряя бег времени, шествует наш народ к коммунизму. Пятилетка в четыре года! Этот лозунг звучит от края до края страны. Идет великий бой за темпы, за качество работы, за высокую производительность, бой за то, чтобы быстрее исцелить тяжелые раны, нанесенные войной, превзойти довоенный уровень, подняться на невиданные вершины науки и техники. И место писателя — там, где идет этот бой, там, где во всей широте и красоте раскрываются воля народа к труду, его решимость выполнить все задуманное, намеченное, предуказанное планом великого Сталина и партии большевиков — партии неутомимых новаторов!

Преступление против человечности

Министру Иностранных Дел Великобритании Эрнсту Бевину

Господин Бевин!

Когда же, наконец, латышские дети, находящиеся в британской оккупационной зоне Германии, будут возвращены родителям и родине?

Этот вопрос не перестает волновать население Советской Латвии. Мы возмущены тем, что трагическая судьба латышских детей, насильно оторванных немецко-фашистскими захватчиками от родителей и родины, не изменилась и после разгрома гитлеризма. Только через три года после того, как немецкие варвары похитили детей из детского дома в Майори (пригород Риги), мы узнали от нашей соотечественницы Ирены Асарс-Филипповой, вернувшейся на родину из лагеря перемещенных лиц в городе Нейштадте (английская оккупационная зона), что 120 из них находятся близ Любека, в сиротском приюте британского Красного Креста. Асарс-Филиппова назвала фамилии пяти мальчиков, чьи родители не погибли в немецких лагерях смерти, возвратились на родину и разыскивают своих детей. Но потребовалось около четырех месяцев для того, чтобы только четверо из этих пяти были возвращены английскими властями на родину, к их матерям.

Уже тот факт, что английские власти годами скрывали от нас наличие наших детей в названном приюте, не мог не вызвать гневного голоса протеста латышских матерей, отцов, сестер и братьев. Какими же словами выразить наш гнев по поводу насильственной задержки остальных 116 латышских детей в Любекском приюте британского Красного Креста!

Но мы говорим не только об этих детях. Мы говорим о сотнях других латышских детей, которых вы принуждаете жить в ваших сиротских приютах. 17 сентября 1947 года ваш представитель в Контрольном Совете для Германии публично признал, что в английской оккупационной зоне находится около 400 детей «неизвестных» родителей. Некоторые разучиваются говорить на родном языке. Это — результат вашей «заботы». Нам известно, что вы и до сих пор отдаете наших детей на «попечительство» тем, кто хотел сделать из них послушных рабов фашизма, — немецким виновникам страшной трагедии этих детей.

Мы с тревогой и негодованием узнали также, что латышских и других советских детей вы отправляете не на родину, где их ждут матери, отцы и близкие родственники, а в Америку, Канаду, Англию. В 72-м номере газеты «Тевземе», издающейся в американской оккупационной зоне Германии на латышском языке, открыто сообщается, что много сирот, в том числе около 50 латышских, литовских и эстонских детей, вывезено в Америку. Та же газета сообщает о 90 латышских сиротах, перевезенных немцами в Бад-Зегеберг из детского дома в Майори во время второй мировой войны. Половина детей искалечена физически и психически. Детские дома находятся в прямом ведении британского Красного Креста (The Sofe the Children's Fond) и ими руководят директор Я. Рихардс и его помощники—мисс Лемени и Доллинду.

Вместо того, чтобы вернуть этих детей на родину, в родительский дом, где они обрели бы покой и нормальные условия жизни, материнскую ласку и заботу близких людей, персонал приютов проявляет «тревогу» по поводу безуспешного размещения детей «среди семей других национальностей (например, англичан), так как дети значительно отстали в своем развитии по сравнению с детьми того же возраста, выросшими в семье».

Мы спрашиваем: разве это соответствует общепринятым в цивилизованном мире принципам человечности? Вы хладнокровно творите преступление перед человечеством. И вы пытаетесь оправдать свое право на это преступление нелепыми утверждениями о том, что якобы еще не доказано, вывезены ли дети, о которых идет речь, из Латвии и имеют ли они там своих родителей и родственников.

Но что может быть лучшим доказательством, чем сделанное в советской прессе открытое заявление воспитательниц рижских детских домов Зельмы Витиньш, Елены Мейнертс и Эммы Лапиньш (последние двое были отправлены немцами вместе с рижским детдомом в Германию и вернулись оттуда в конце 1947 года) о том, что родители и родственники подавляющего большинства их воспитанников живут в Латвийской ССР? Помимо этого, советские органы репатриации располагают поименными списками детей, вывезенных из Латвии. Да и упомянутая уже газета «Тевземе», которая, как вам известно, не отличается симпатиями и доброжелательством к Советской Латвии, вынуждена признать: «Хотя дети частично имеют славянские фамилии, но данные свидетельствуют о том, что они родились до 1940 года в Латвии».

Есть ли, однако, нужда в представлении всех этих неоспоримых доказательств? А какое право имеете вы задерживать и истязать тех детей, родители и родственники которых замучены немецко-фашистскими захватчиками в тюрьмах и концлагерях, или пали в борьбе с фашизмом на поле боя? Кто дал вам право лишать детей этих мучеников и героев счастливого и радостного будущего?

Никто не давал вам такого права! Вы ничего не сможете сказать в свое оправдание, если в вас когда-нибудь просыпалось хотя бы простое родительское чувство.

Независимо от степени вашего знакомства с человеческими понятиями и чувствами, мы требуем возвращения родителям и родине:

116 латышских детей, находящихся в Любекском приюте;

90 латышских детей из полуразрушенных замков Мюссена и Роллсдорфе близ Бад-Зегеберга;

свыше 30 детей из приюта в дер. Клингенберг;

свыше 90 детей из сиротского приюта в гостинице «Гольф-отель» города Ханненкклее.

От имени интеллигенции и всего латышского народа мы также требуем, чтобы были разысканы и незамедлительно возвращены на родину все латышские дети, отданные на воспитание в немецкие и другие иностранные семьи, а также дети, которые были вывезены в Америку, Англию, Канаду и другие страны.

Мы надеемся, г-н Бевин, что это открытое письмо не останется без ответа, подобно некоторым другим. Мы надеемся, что гнусному преступлению фашистских варваров, еще более усугубленному вами, будет положен конец. Все латышские дети должны быть возвращены домой, где они вновь услышат родную речь, звучание латышской песни, увидят цвет родимого неба, голубые просторы Рижского залива, спокойную и величавую Даугаву, быстротечную Гаую, нивы Латвии и наши прекрасные леса.

Этого требуют и ждут не только все советские люди, но и все честные люди мира.

Проф. Федор БЛУМБАХС — почетный член Академии наук Латвийской ССР, член Королевского общества астрономов в Лондоне с 1922 по 1939 г. **Проф. Паулис ЛЕИНЬШ**—президент Академии наук Латвийской ССР, заслуженный деятель науки. **Проф. Артурс КРУМИНЬШ, проф. Арвид КАЛНИНЬШ** — действительные члены Академии наук Латвийской ССР. **Проф. Атис КЕНИНЬШ** — поэт. **Проф. Теодор ЗАЛЬКАЛНС** — народный художник Латвийской ССР, действительный член Академии художеств Союза ССР. **Проф. Янис ТИЛЬБЕРГС** — член Государственной Академии художеств Латвийской ССР. **Проф. Янис МИКЕЛЬСОНС** — член-корреспондент Академии наук Латвийской ССР. **Проф. Лео СВЕМПС**—председатель Союза художников Латвийской ССР. **Берта РУМНИЕЦЕ, Янис ОСИС** — народные артисты Латвийской ССР. **Альфред АМТМАНИС-БРИЭДИТ** — заслуженный деятель искусств Латвийской ССР. **Мирдза ШМИТХЕН**—заслуженная артистка Латвийской ССР.

ЭТИМ КЛАДОМ ВЛАДЕЕТ НАРОД

Полтора столетия волновала умы людей тайна Курской магнитной аномалии. На обширных участках Среднерусской возвышенности магнитная стрелка решительно отказывалась повиноваться законам земного магнетизма — она вела себя здесь всегда так же «сумасшедше», как во время магнитной бури, незримо бушующей иногда на всем земном шаре.

Что же, в конце концов, заставляет магнитную стрелку «сходить с ума» возле тихих курских дубрав?

Загадка полуторастолетней давности была разгадана лишь в советское время. Причиной Курской аномалии оказались грандиозные залежи железосодержащих пород.

Догадка об этих несметных богатствах мелькала у ученых и раньше, однако бурение, предпринятое здесь еще в прошлом веке, не дало никаких результатов. Как заколдованный клад, руда не давалась в руки. После Октябрьской революции, по инициативе В. И. Ленина, была создана Особая комиссия по изучению Курской магнитной аномалии, возглавлявшаяся академиком И. М. Губкиным.

Но невиданных масштабов исследование нового железорудного месторождения достигло лишь в годы сталинских пятилеток. Оценивая результаты этих исследований, академик Губкин заявил на Международном геологическом конгрессе, происходившем в Москве в 1937 году: «Разработка и использование руд Курской магнитной аномалии разрешает проблему железных руд и снимает вопрос об истощении запасов на многие сотни лет в масштабе всего человечества...»

В годы бурного индустриального развития страны был поставлен вопрос о промышленном освоении нового железорудного района. XVIII с'езд ВКП(б) принял решение приступить к строительству шахт в районе Курской магнитной аномалии. На Коробковском участке, в 28 километрах от Старого Оскола, заложили первый экспериментальный рудник им. академика Губкина. Добытая в процессе исследования месторождения железная руда оказалась лучше многих уральских руд, ее можно плавить в естественном виде, без предварительного обогащения.

Что происходит в районе Курской магнитной аномалии сейчас? С этим вопросом корреспондент «Литературной газеты» обратился к главному инженеру отдела капитального строительства Главруды Министерства черной металлургии тов. И. Шафаренко.

— Заложенный до войны рудник им. академика Губкина, — сказал тов. Шафаренко, — был полностью разрушен гитлеровскими захватчиками, а шахты затоплены. Но едва из Курской области были изгнаны оккупанты, как вернувшиеся хозяева рудника — рабочие, инженеры и техники — принялись за его восстановление.

Трудно описать энтузиазм, охвативший горняков, когда они узнали, что в Законе о новой пятилетке записано: «Организовать добычу железной руды в районе Курской магнитной аномалии... подготовить промышленные запасы для строительства новых металлургических заводов на Северном Урале, в Сибири, в Казахской ССР и в районе Курской магнитной аномалии». Они с удвоенной энергией принялись за восстановление.

Пока монтировался дизель временной электростанции, на рудник пришли два специальных энергопоезда. Заработали подключенные к ним мощные помпы. Прибывают новые и новые эшелоны со строительными материалами и механизмами. Уже очищены старые подземные выработки. Сменены все крепления. Установлены компрессоры. Шахты огласились пулеметной дробью перфораторных молотков. Проходчики прокладывают новые подготовительные выработки.

— В ближайшее время рудник им. Губкина превратится в большое промышленное предприятие, — заявил далее тов. Шафаренко. — На нем будут продолжаться экспериментальные работы по изысканию новых технических приемов, способных преодолеть напорное давление плывунных пород, находящихся поверх залежей руды. Над решением этой проблемы сейчас работают многие научно-исследовательские институты.

Составляется проект разработки открытым способом весьма богатого Лебединского месторождения, где руда залегает на сравнительно небольшой глубине. Прежде чем начать добычу руды, здесь необходимо снять около 40 миллионов кубометров породы, покрывающей рудную толщу. Это вдвое превышает об'ем земляных работ строящегося «Уральского Днепрогэса» — Камской гидростанции. Всего же для первой очереди разработки Лебединского месторождения необходимо разрыхлить и вывезти за пределы рудника около 200 миллионов кубометров пород, покрывающих руду. Решение задачи таких масштабов возможно лишь при условии применения новейшей техники механизации — вероятнее всего гидромеханизации добычи и транспорта пород. Для предварительного осушения руды потребуется вскрыть месторождение подземными выработками, создать сложную систему всасывающих фильтров и скважин, установить батарею мощных центробежных насосов, которые будут выбрасывать в минуту такое количество воды, какое в эту же единицу времени несет, допустим, главный приток Дона — Северный Донец.

— Наконец, — говорит в заключение тов. Шафаренко,—положительный опыт обогащения железистых кварцитов, расположенных ниже богатых руд, открывает возможность попутной добычи и обогащения этих кварцитов. Уже составлен проект обогатительно-агломерационной фабрики по подготовке кварцитов к плавке и начато углубление шахт до горизонта залегания кварцитов.

Только два рудника — Губкинский и Лебединский — могут обеспечить рудой не один металлургический завод. Месторождения же всего бассейна открывают перед ним необозримые перспективы развития.

Курская аномалия перестала быть загадкой.

ХЛОПОК УБИРАЕТ МАШИНА

Через несколько месяцев, к началу уборки хлопка, на колхозных полях Узбекистана, Грузии, Армении, Азербайджана и Украины появятся новые хлопкоуборочные машины.

Создатель этих еще невиданных машин советский конструктор Леонид Розенблюм посвятил изобретению их 12 лет. Все эти годы т. Розенблюм, вместе с коллективом инженеров и рабочих станции механизации хлопководства в узбекском городке Янги-Юль, конструировал идеально точную машину, которая собирала бы хлопок, не повредив куста, и брала «по выбору» лишь зрелые коробочки, не задевая недозревших.

Над созданием такой машины около ста лет тщетно трудились крупнейшие американские специалисты. При всем разнообразии конструкций все они применяли один и тот же принцип горизонтально вращающихся шпинделей, на разных уровнях пронизывающих куст хлопка. Ни одна из этих машин (а их запатентовано за границей несколько сот) не нашла применения. Даже в тех случаях, когда какому-либо изобретателю удавалось создать конструкцию, не повреждающую кустов, машина, имеющая от 800 до 1000 шпинделей, столько же передач и множество деталей, стоила слишком дорого и была сложна в производстве.

Хлопкоуборочная машина тов. Розенблюма «ХВШН-2» имеет принципиальное отличие от всех зарубежных конструкций. Вместо тысячи шпинделей она снабжена 104 вертикально вращающимися валиками, которые, не повреждая куста хлопка, «ощупывают» его и выбирают лишь созревшие коробочки.

Испытание «ХВШН-2», проводившееся междуведомственной комиссией пяти министерств, показало ее огромное преимущество. Обслуживаемая одним человеком, она заменяет собой труд десятков колхозников.

В ближайшее время ташкентский завод «Узбектекстильмаш» имени Ворошилова приступит к серийному производству «ХВШН-2».

По Советскому Союзу

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

◆ **Ашхабад.** Из Ашхабада в Кара-Кум вышла колонна мощных автомашин. Одна из них везет на специально оборудованной площадке 18-тонный дизель для строящейся в центре пустыни электростанции, которая даст энергию Дарвазинским серным рудникам. Автомобилям предстоит пройти в песках 350 километров. Для обслуживания автоколонны в пути выделен специальный самолет.

◆ **Чимкент.** Первый парк культуры и отдыха открыт в Голодной степи в районном поселке Багара. Население поселка высадило в парке более 50.000 деревьев — яблонь, урюка, сливы, тополя, акаций.

◆ **Ростов.** Седьмая научная конференция сельских медицинских работников состоялась в станице Цымлянской. На конференции присутствовало 50 врачей, фельдшеров и медицинских сестер. Многие из них выступили с докладом о научных работах, которые они ведут на селе.

◆ **Ереван.** Во всех районах Армении при сельских культурно-просветительных учреждениях организуются краеведческие кружки. Колхозники изучают в них природные богатства, рельеф и климат своего края.

◆ **Киев.** По инициативе Министерства здравоохранения Украины впервые в СССР оборудовано несколько самолетов, на борту которых находятся рентгеновские установки. «Рентгеноаппараты на крыльях», как прозвали их колхозники, обслуживают наиболее отдаленные сельские местности республики.

◆ **Петрозаводск.** Институт истории, языка и литературы карело-финской базы Академии наук СССР готовит экспедиции для сбора новых рун, сложенных сказителями на современную тематику. Собранные руны и эпические песни войдут в специальный сборник, выпускаемый к 100-летнему юбилею издания эпоса карело-финского народа — «Калевалы».

◆ **Ленинабад.** Колхозники сельхозартели имени Сталина, Ганчинского района, Таджикской ССР, построили школу-десятилетку. В здании оборудованы физическая и химическая лаборатории, большой физкультурный и актовый залы.

◆ **Горький.** Кружки студенческого научного общества Горьковского педагогического института сдали в печать сборник «Писатели в городе Горьком». В сборнике собраны материалы о пребывании в Нижнем Новгороде А. М. Горького, Т. Г. Шевченко, а также зарубежных писателей—Анри Барбюса, Мартина Андерсена Нексе, Теодора Драйзера и других.

◆ **Калининград.** В городах Калининградской области открылись книжные базары для школьников. На площадях, в парках и на стадионах продаются книги русских классиков и советских писателей.

◆ **Сталино.** Около 3.000 шахтеров, металлургов и машиностроителей учатся в заочных высших учебных заведениях. В одном только шахтерском городе Енакиево занимаются на заочных отделениях вузов 200 шахтеров.

◆ **Улан-Удэ.** Бурят-Монгольское государственное издательство выпустило сборник «Звуки лимбы», в который включены произведения бурят-монгольских поэтов на русском языке.

◆ **Мурманск.** Готовится к печати сборник сказок народностей Севера. В сборник включены семь сказок народа саами, проживающего на Кольском полуострове. Сказки обработаны мурманским краеведом Т. Комшиловым.

Колхозники — члены ученого совета

ХАРЬКОВ. (Наш корр.). Министерство сельского хозяйства УССР утвердило шесть колхозников и колхозниц — передовиков животноводства — членами ученого совета Научно-исследовательского института животноводства. Среди них четыре Героя Социалистического Труда.

Эти представители колхозов вошли в ученый совет, как новаторы в области повышения продуктивности скота. Доярка колхоза «Червона зоря», Сумской области, Мария Савченко получила наивысший в республике удой молока от коров новой лебединской породы. Вместо 2.100 литров, получаемых от каждой «лебединки», тов. Савченко надоила по 6.000 литров.

Колхозники—члены ученого совета будут совместно с научными сотрудниками института вести научную разработку новых проблем животноводства и выступать в колхозах с докладами о достижениях советской зоотехнической науки.

Недавно институт животноводства УССР издал коллективные труды колхозников — членов ученого совета. В брошюре «За шесть тысяч литров молока от каждой коровы» подробно описан опыт доярки М. Савченко. В брошюру «За 25 деловых поросят от каждой свиноматки» включена работа члена ученого совета Ульяны Баган—свинарки колхоза имени Политотдела, Полтавской области.

С'езд писателей Якутии

На-днях в гор. Якутске открылся второй с'езд писателей Якутии. Председатель правления союза поэт Серафим Элляй в своем вступительном слове напомнил, что прошло более девяти лет со времени первого с'езда писателей Якутии. Национальная литература якутского народа за эти годы шагнула вперед. Последние произведения якутских писателей говорят об их творческом и идейном росте, знаменуют решительный поворот к современности.

С'езд заслушал доклад секретаря обкома ВКП(б) по пропаганде тов. Корякина о состоянии и задачах якутской литературы.

Музей в Телави

ТБИЛИСИ. (Наш корр.). Члены ученого совета при Курортном управлении Грузии были удивлены, когда председатель предоставил слово для доклада по поводу нового курорта Александру Мамулашвили — директору Телавского музея: что общего между музеем и курортами? Но вот директор начал свой доклад, и ученые услышали нечто совсем необычное.

— Однажды, — сказал Мамулашвили,— в музей пришел старый пастух из селения Алвани. «Пойдем, — потянул он меня за рукав, — я покажу тебе воду. Когда-то очень давно в ней искупался предводитель тушин Торгва, раненный в бою с лезгинами. Торгва был совсем плох, он умирал от ран, но после купания выздоровел».

— Мы двинулись в путь, — продолжал Мамулашвили. — На высоте 1.890 метров мы увидели 11 горячих источников. Спустя год я вернулся сюда вместе с телавским врачом Шалвой Деканозашвили и провел здесь две с лишним недели.

Мамулашвили прочитал заключение врача. Оказалось, что вода в источниках целебная, что она излечивает сердечные болезни, ревматизм, женские заболевания, огнестрельные ранения.

Впоследствии эти выводы врача подтвердила научная экспедиция, и вопрос о создании нового курорта Торгвас Абано был решен.

Любовно собирая памятники старины, Александр Мамулашвили сочетает всю деятельность созданного и возглавляемого им музея с задачами социалистического строительства, и эпизод с открытием нового курорта — не случайность.

В одной из витрин музея можно увидеть образцы угля. Надпись на грузинском и русском языках об'ясняет, что выходы каменного угля прослежены в большинстве ущелий Гомборских гор. Рядом с этой витриной выставлен великолепный красный и серый мрамор. Этот мрамор, добываемый в верховьях горной реки Лопота, можно видеть теперь в Москве на многих станциях метро.

Замечательно, что все эти экспонаты появились здесь благодаря усилиям самого же музея.

Мамулашвили долгие годы работал в Кахетии лесничим и сдружился со многими старожилами края. Став директором музея, он не порывал своих связей с ними. Виноградари и пастухи рассказывают ему о прошлом, о тайниках, скрытых в горных недрах, о целебных источниках, бьющих в расщелинах скал, о случайных находках на месте древних поселений.

Ученые, специалисты самых различных отраслей знания охотно откликаются на зов Телавского музея. Действительный член Академии наук Грузинской ССР Георгий Чубинашвили, архитекторы тт. Цилосания и Рчеулишвили возглавляли экспедицию, организованную музеем для раскопок грузинской академии, существовавшей в селении Икалто в XII веке. Установлено, что при академии была керамическая школа, богатые кузнечные и железоделательные мастерские. Неплохо сохранилась давильня, принимавшая одновременно для переработки более 1000 пудов винограда.

В другом уголке Кахетии, у селения Напареули, Мамулашвили нашел остатки оросительного канала, построенного в начале XII столетия. Древние строители обладали выдающимся мастерством. Канал перебрасывал в секунду полтора кубических метра воды из одного ущелья в другое, питал торговый центр Кахетии, ныне разрушенный город Греми, орошал 4000 гектаров земли. Техническая идея этого древнего сооружения частично заимствована строителями нынешнего большого Аланского канала.

И. ДУБИНСКИЙ

ИСТОРИЯ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ

КИЕВ. (Наш корр.). Учителя села Мошны на Киевщине составили интересный труд, посвященный истории их школы. Из этого труда мы узнаем о том, как Мошны, где до революции было почти 8.000 неграмотных, стали селом сплошной грамотности. Из стен мошненской школы за годы советской власти вышло немало выдающихся государственных деятелей, ученых, инженеров. Среди них — председатель Президиума Верховного Совета УССР тов. Гречуха, Герой Советского Союза подполковник Супрун и многие другие.

Столь же содержательна и значительна история школы соседнего с Мошнами села Ломоватое. Историю своих школ создают учителя и во многих других селах Советской Украины.

Поход американской социологии против разума

М. БАСКИН

США стали страной, в которой готовятся заговоры против сил демократии и прогресса.

Вслед за реакционной американской философией, буржуазная социология в США об'явила крестовый поход против разума.

Около ста пятидесяти лет назад Томас Джефферсон, дважды президент США, об'явил идеи разума и прогресса движущей силой развития американского общества. Его современник Итэн Аллен написал знаменитый атеистический памфлет под названием «Разум—единственный оракул человека». Ныне в современной Америке идеи Джефферсона, Аллена, Томаса Пэна и им подобных сделались крамольными. Пропаганда разума и прогресса рассматривается в США как противозаконная «коммунистическая» пропаганда.

Наряду с «доктриной Трумэна» и «планом Маршалла» среди реакционных философов и социологов США усиленно распространяется «доктрина Кроче», об'явившего еще в 1945 году в своей книге «Политика и мораль» движущей силой общественного развития таинственную иррациональную сущность.

Впрочем, было бы несправедливо считать родоначальником этой «доктрины» именно Кроче. За несколько лет до него поход против разума об'явил не кто иной как Гитлер, провозгласивший разумное начало продуктом «неарийского» творчества. Лавры фашистского диктатора не дают спать американским империалистам, лелеющим, подобно нацистам, безумные планы мирового господства.

Недавно в отчете об очередном с'езде иезуитского ордена сообщалось, что в США подвизается 6.282 официальных члена этой «почтенной» организации, т. е. значительно больше, чем в любой европейской католической стране, включая даже франкистскую Испанию, где официально числится 4.973 иезуита.

Одной из задач американских иезуитов является пропаганда бессилия разума. Эта деятельность находит прямую поддержку у реакционных американских социологов, которые в лице Ван Кирка, Боуэна, Кассерли и белогвардейца Питирима Сорокина занимаются восхвалением мистицизма и доказывают, что разум, просвещение, наука находятся в непримиримом противоречии с интересами общества. Отсюда идеализация средневековья в американской социологической и исторической литературе. Средневековая инквизиция, сжигавшая на кострах корифеев науки, об'является гуманным учреждением, так как она вела борьбу против рационализма и прогресса—двух смертных грехов человечества.

Не случайно, что в США большой популярностью пользуются работы профессора Оксфордского университета Девиеса, который в своем «исследовании», называющемся «Золотой век Испании», стремится доказать, что испанская инквизиция сыграла «благородную» и «полезную» роль. Не потому ли американские политики поддерживают франкистскую Испанию, в которой свирепствует фашистский террор, превосходящий самые изощренные жестокости средневековой инквизиции.

Буржуазные социологи США ведут поход против разума различными путями. Одни из них выступают под избитым неокантианским знаменем отрицания об'ективных закономерностей в развитии общества. История об'является ими хаосом случайных, сугубо индивидуальных явлений, не поддающихся никакому рациональному об'яснению. Другие считают алогичные инстинкты и стремления, находящиеся «по ту сторону» человеческого сознания, законом общественной жизни.

К первым относится лидер психологической школы в социологии США Росс, об'явивший, что постигнуть действительные «тайны» истории принципиально невозможно. Другие в лице Джона Дьюи и K° доказывают, что движущей силой общественного развития и основной причиной происходящих в капиталистическом обществе войн являются извечные, рационально необ'яснимые особенности человеческой психики, вроде «стремления к драчливости» и т. д. В итоге делается вывод, что наука не только не может проникнуть в будущее, но и не может постигнуть настоящее. Скептицизм американских социологов не случаен; он отражает глубокую внутреннюю слабость капиталистического мира. Отказываясь признавать наличие об'ективных закономерностей в жизни общества, буржуазные социологи приходят к отрицанию самих исторических фактов.

Так, виднейший американский социолог Говард Беккер сравнивает человеческое общество с неким сосновым лесом, который существует в одной форме для ботаника, в другой для охотника, в третьей для лесничего, в четвертой для фермера, в пятой для геолога, в шестой для художника, в седьмой для отшельника, в восьмой для заблудившегося ребенка и т. д. Для отшельника, уверяет Беккер, своды сосен являются живым свидетельством благости бога. Для заблудившегося ребенка лес выступает в виде обиталища, где живут сказочные злые волшебники. Геолог смотрит на лес, как на слой почвы, на котором возвышаются гигантские деревья. В результате Беккер приходит к старому выводу о непознаваемости «леса в себе». Он рассматривает его как продукт произвольной деятельности суб'екта.

Таким же лесом, с точки зрения современных американских социологов, оказывается и всё человеческое общество.

Считая одинаково правильными все концепции и методологические приемы в социологии, Беккер и ему подобные становятся певцами воинствующего эклектизма. Они пытаются примирить непримиримое.

Для всех современных американских реакционных социологов принцип частной собственности на средства и орудия производства является основным. Только ему приписывается «об'ективное» значение.

Новейшие американские социологи в своей борьбе против разума и науки стремятся доказать невозможность научного предвидения общественных процессов. Недаром Росс об'явил проблему социального прогноза делом астрологов, а не ученых.

Единственная область, в которой современные американские социологи готовы признать возможность предсказания будущего, — это сфера морального поведения того или иного суб'екта. А американский горе-исследователь Волд специально «изучал» поведение 579 заключенных в американских тюремных колониях. Волд составил таблицу предсказаний, основанную на 29 факторах дотюремной жизни уголовных преступников. Он предлагает эту таблицу американским тюремщикам в качестве пособия для математически точного определения возможных реакций преступников на установленный тюремный режим.

В книге «Предсказывание преступности» выдвигается проблема «научного предугадывания» поведения уголовных преступников, досрочно освобожденных из тюрем. Этому же вопросу посвящены две популярные в США социологические работы Глэка—«Поздние карьеры преступников» и «Выросшие юные правонарушители». В этих работах дана техника составления таблиц, предсказывающих поведение лиц, ожидающих приговора. Элио Монакези подробно говорит о методе предвидения, применяемом новейшими буржуазными социологами США. Речь идет о плоском, позитивистском описании отдельных явлений, о примитивной внешней классификации случайно добытых фактов и, наконец, о составлении таблиц, анкет и т. д., на основе которых чисто механически составляются прогнозы для тюремных надзирателей и полицейских агентов. Вполне понятен особый интерес американских социологов к проблеме преступности. В современной Америке преступник, сутенер и бандит сделались воплощением «героического» начала, излюбленными героями желтой прессы, продажного кино и растленной литературы.

Все, что выходит за пределы повседневной жизни американского обывателя, рассматривается как нечто мистическое, не поддающееся научному исследованию.

Стоя на мистической, антинаучной позиции, буржуазные социологи США фактически приходят к идее ликвидации науки об обществе.

В этом отношении типичен американский социолог Бернард, автор многочисленных книг по вопросам «теории» общества и по истории социологических учений. Перу Бернарда принадлежит нашумевшая в США об'емистая книга «Истоки американской социологии».

Бернард не просто социолог, это один из представителей академической социологии в США. Он пользуется славой всестороннего эрудита в области общественных наук. Вот почему особенно любопытно, что не кто иной как Бернард, кстати сказать, об'являющий себя сторонником «истинной науки», является фактически проповедником отказа от научного исследования общественных процессов.

Бернард не в состоянии вразумительно об'яснить, что, по его мнению, является предметом социологического анализа. Он пытается создать науку об обществе, исключив общество как реальную категорию. В своей лакейской услужливости перед монополистическим капиталом этот «ученый» доходит до того, что ничтоже сумняшеся причисляет к представителям американской социологической науки деятелей «Американской тюремной ассоциации», считает истинными учеными Форда и Рокфеллера, Моргана и Херста.

Превращая социологию в науку о «пустоте», об'являя общество психологической категорией, реакционные американские социологи протаскивают весьма старую и потрепанную идею о ненужности изменения общественных отношений.

Рассматривая капитализм как игру воображения, американские мракобесы от социологии рекомендуют рабочим и фермерам Америки вместо того, чтобы бороться с реакцией, бороться со своим собственным воображением и принять капитализм как само собою разумеющееся, извечное и не поддающееся изменению начало. Не случайно поэтому, что американские социологи об'являют «утопией» всякую борьбу против капитализма. Так, например, Бернард в своих работах поет хвалебные гимны Спенсеру и Канту за то, что они считают капитализм «вечной системой равновесия».

В свою очередь Джон Дьюи заявляет, что во время войны всегда наблюдается «большой расцвет добрых чувств». В «Проблемах человека» он предлагает поэтому заменить классовую борьбу войной за мировую гегемонию американского капитализма.

Социологи Эллиот и Мэррилл считают, что революция не должна затрагивать интересов американских трестов и синдикатов, интересов Фордов и Рокфеллеров.

Поистине, еще никогда история человечества не знала столь открытой, грубо-откровенной связи «идейных» приказчиков эксплоататоров с самими эксплоататорами! Буржуазные социологи уже не стремятся об'являть себя «беспартийными». Они афишируют свою связь с крупнейшими капиталистическими корпорациями США, с капиталистическими трестами и синдикатами, получают от них субсидии.

Современная американская буржуазная социология с исключительной выпуклостью отражает общий распад буржуазной культуры. Она находится в непримиримом противоречии с подлинной наукой об обществе и законах его развития.

ТОЧКА ОПОРЫ

А. САДОВСКИЙ

Профессор Гринберг прибыл на Урал позже своих товарищей. Он выехал из Ленинграда по ледовой ладожской трассе в самые суровые месяцы блокады, когда над корпусами завода имени Сталина не поднимался ни один дымок, — враг железным кольцом окружил город. В Верхней Салде, на Урале, главный конструктор бюро паровых турбин застал уже своих сотрудников. На Урале, куда пришли с севера и запада эшелоны с оборудованием десятков предприятий, конструкторам поручили монтаж эвакуированных турбин.

Сложна и трудна была эта работа. В дороге терялись детали, где-то блуждали узлы огромных машин, на колесах еще были ящики с чертежами и формулярами. Не имея под руками технической документации, не тратя времени на ожидание недостающих деталей, конструкторы изобретали, искали и находили возможности быстро вводить турбины в строй.

Это был тяжелый труд. Родина нуждалась в нем. И об этом неустанно напоминал профессор Гринберг — главный конструктор бюро паровых турбин завода имени Сталина, подчеркивая одновременно, что люди, сегодня делающие нужное и важное дело, не должны забывать о завтрашнем дне.

— Не знаю, когда кончится война, — размышлял профессор вслух, — никто из нас не знает этого. Может быть, она — на годы... Враги уверены, что нам не подняться. И наши, с позволения сказать, «друзья» не уверены в этом, они надеются, что мы отстанем на добрый десяток лет. И так может быть, если... мы вернемся на завод с пустыми руками. Перед войной мы собирались построить две небольшие опытные турбины высокого давления. Мы хотели посмотреть, что из этого получится. Сейчас не до опытов — идет война. Но надо создать такую конструкцию. Наш завод способен совершить поворот на сто восемьдесят градусов — от турбин нормального давления к турбинам высокого давления.

Профессор Гринберг встретил горячую поддержку сотрудников бюро. Конструкция новой сверхмощной турбины, названной скромно «ВК-100—2», стала точкой опоры для творческого коллектива.

Не легкий путь избрали энтузиасты. Трудности возникли с первых же шагов,— когда конструировалась последняя лопатка рабочего колеса — именно та деталь, с которой начинают обычно проектирование всякой паровой турбины.

Конструктор А. Левин, невысокого роста человек с выпуклым лбом математика, деликатно тихий в отношениях с людьми, но настойчивый в научных поисках, разработал три варианта лопатки. Он мог облегченно вздохнуть, когда профессор принял у него четвертый, вполне надежный вариант. Но Левин не успокаивался: он искал лопатку новой формы.

Профессор Гринберг был потрясен, когда к нему явился конструктор Левин и, попросив свой четвертый вариант обратно, вручил окончательный, пятый.

Расчеты турбины — это стройная последовательная система, от точности которой зависит надежность и экономичность турбины, и не только этой, но еще двух, трех, четырех, целой серии турбин нового типа. «ВК-100—2» была головной, авангардной машиной. За нею стояли пятидесятитысячные и двадцатипятитысячные турбины. Конструктор искал такие узлы и детали, которые легко переставлялись бы из одной машины в другую.

А. Ломакин создал целую серию уникальных конструкций для турбины, но каждая из них может жить и отдельно от нее — циркуляционный насос, перегонявший 11 тысяч кубометров воды в час, самый производительный центробежный насос и питательный насос высокого давления.

Конструктор В. Егоров был автором вспомогательного оборудования турбины— нового типа конденсаторов, эжекторов, трубопроводов сложной компановки — всего, что обеспечивает экономичность ее работы, — ведь турбина высокого давления призвана экономить 150 тысяч тонн угля в год!

И, наконец, конструктор М. Хейфец создал мозг машины — 48 узлов парораспределения и парорегулирования.

Не только эти инженеры участвовали в конструировании новой уникальной турбины. В ее создание вложен труд высококвалифицированных специалистов — работников Ленинградского металлического завода имени Сталина А. Антонова, М. Бушуева, А. Зильбермана, В. Зубок.

Советские конструкторы вышли на передовую линию науки и техники. Сброшюрованная работа — толстый том, состоящий из трехсот с лишним страниц,—увесисто легла на стол министра. В обсуждении проекта «ВК-100—2» участвовали уральцы, харьковчане.

... На приборной доске резко качнулась стрелка. Послышался ровный густой гул, и традиционный клочок бумажки, наклеенный на кончик вала, дрогнул, замелькал, а потом отклеился и поплыл в воздухе.

Конструкторы и инженеры цеха — у каждого под глазами темные круги, каждый провел без сна две-три ночи — дежурили у приборов, отмечая в записных книжках импульсы машины, или прикладывали слуховые трубки к могучему корпусу, доверяясь слуху не меньше, чем приборам. Стрелка тахометра поднималась вверх. Когда стрелка достигла контрольной цифры «3340», человек у прибора проронил басом: «Живет стотысячная...»

Скуповатые в выражении своих чувств, люди на стенде на этот раз не выдержали. Они обнимали конструкторов. Обнимали главного инженера. Обнимали рабочих, целовали старого, седоусого «царя-токаря», расточившего вал для единственной в мире паровой турбины высокого давления мощностью в сто тысяч киловатт, с числом оборотов — три тысячи в минуту.

Потом машину разобрали и в ящиках с жирными надписями «осторожно», «не кантовать» перевезли в Сталиногорск, а здесь смонтировали на железобетонном фундаменте. А спустя некоторое время со стенда сошла вторая стотысячная турбина высокого давления.

Конструкторы, инженеры, мастера и стахановцы большого завода на правом берегу Невы вышли на передовую линию мировой техники. Сталинская премия заслужена выдающимися творческими работниками коллектива с честью!

ЛЕНИНГРАД.

Слово хозяина

БУМАГА ИЗ ЛЬНЯНОЙ КОСТРЫ

В «Литературной газете» от 22 мая была помещена статья Б. Октябрьского о косности работников Министерства целлюлозной и бумажной промышленности, явно недооценивающих солому в качестве заменителя древесины при производстве бумаги. Прочитав эту статью, действительный член Академии наук Украинской ССР В. Г. Шапошников прислал в редакцию письмо, в котором напоминает еще об одном виде сырья для варки целлюлозы:

«Я имею в виду льняную и конопляную костру, — пишет ученый. — Костра является отбросом заводов по первичной обработке льна. Никакого промышленного применения она не находит. Ее обычно сжигают или используют для засыпки оврагов и выбоин. А ведь костра—не менее ценный заменитель древесины, чем солома. По самым скромным подсчетам, в районах, возделывающих лен и коноплю, ежегодно гибнет до 100 миллионов пудов костры. Количество, достаточное для выработки 50 млн. пудов технической целлюлозы!»

Переработка костры не требует никаких дополнительных приспособлений. Костра пускается в варку так же, как древесина. Разница только в том, что древесину приходится предварительно измельчать, а костра в этом не нуждается.

В ближайшие же годы страна может сэкономить значительное количество ценной древесины, если работники бумажной промышленности перестанут упорствовать и серьезно займутся использованием заменителей. В южных районах, куда лес завозится с севера, надо производить бумагу из соломы, а в районах льноводства — из льняной костры.

СОХРАНИТЬ ПАМЯТНИК КАЗАЧЬЕЙ СТАРИНЫ

Станица Старо-Черкасская, Аксайского района, Ростовской области, — живописный памятник казачьей старины, — пишет в «Литературную газету» писатель Дм. Петров (Бирюк). — Здесь в XV веке зарождалось казачество Дона. Жили здесь прославленные казачьи полководцы Матвей Иванович Платов — герой Отечественной войны 1812 года, генерал Бакланов, замечательный народный герой Федор Петрович Денисов.

Здесь каждый камень овеян легендами и сказаниями о давнем прошлом донского казачества. Величественный собор-крепость, строительству которого помогал Петр Первый, сохранился и поныне. У входных дверей собора в толстую каменную стену ввинчены тяжелые железные кандалы. В них, по преданию, был закован Степан Разин, перед тем как его отправили на казнь в Москву.

На площади, около собора, лежат чугунные городские ворота турецкой крепости Азова и массивные городские весы. Уходя из Азова в 1643 г. после знаменитого «Азовского сидения», продолжавшегося несколько месяцев, казаки захватили с собой на память эти тяжелые реликвии, протащив их на своих спинах более ста верст.

В станице уцелело немало трехсотлетних домов своеобразной архитектуры, с изразцовыми печами, расписанными искусными мастерами. Среди них особый интерес представляет дом, в котором в начале XVIII века жил вождь казацко-крестьянского восстания Кондрат Булавин.

Многие из старинных зданий разрушаются и постепенно исчезают. Два года назад в Старо-Черкасскую из Москвы приезжала комиссия. На исторические здания были повешены таблички, призывающие сохранять памятники старины. Этим дело и ограничилось.

Старо-Черкасская расположена в сорока километрах от Ростова. Но, несмотря на неоднократные сигналы старожилов о необходимости сохранить станицу-музей, областные организации никаких мер не приняли.

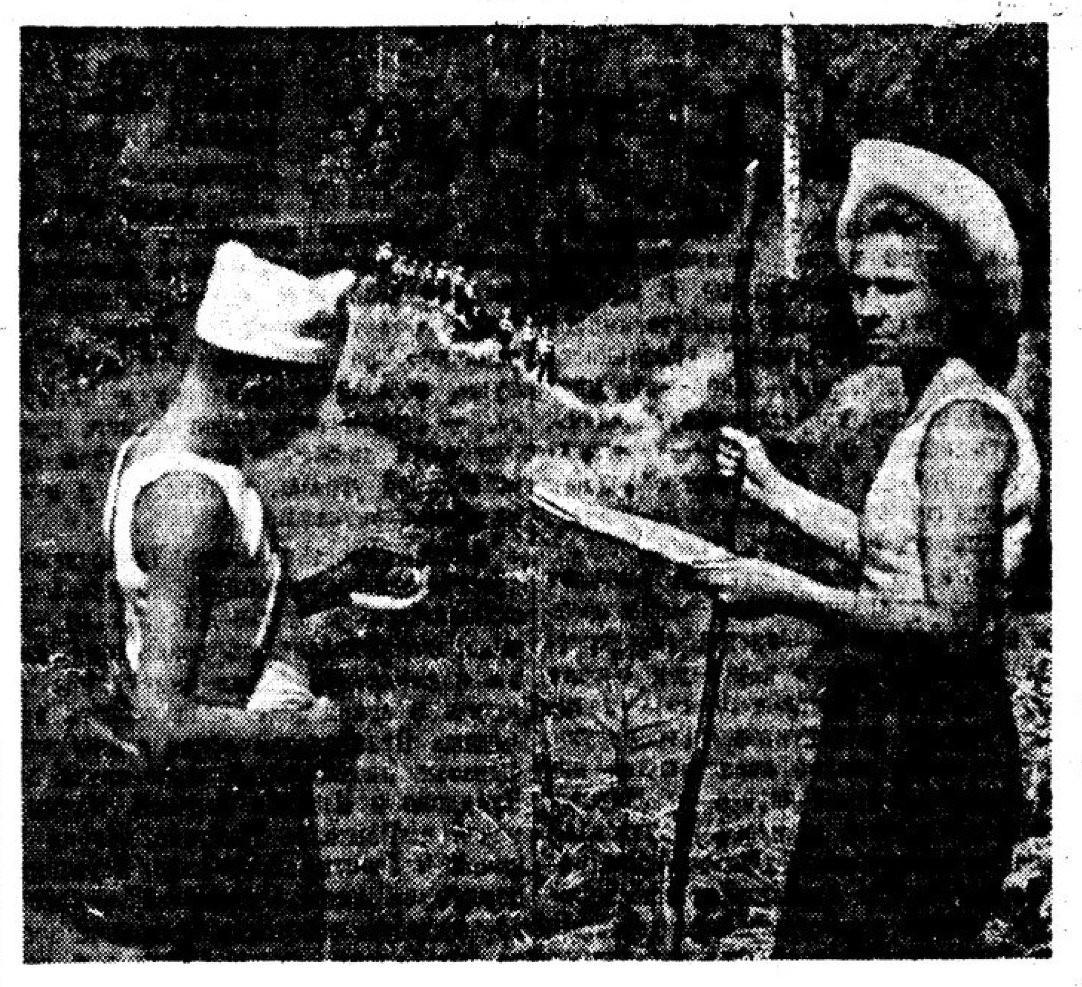
Дело не терпит. Нужно немедленно начать реставрацию зданий, донесших до нас память о славных делах и жизни наших предков.

ЕЩЕ РАЗ О БРАКОДЕЛАХ

«На всех предприятиях, получивших высокочастотные установки с маркой московского завода им. Ворошилова, раздаются нарекания на безобразное выполнение монтажа, на низкое качество изготовленных агрегатов», — пишет лауреат Сталинской премии старший научный сотрудник Института металлургии Академии наук СССР тов. М. Г. Лозинский, откликаясь на заметку «Бракоделы», опубликованную в № 47 «Литературной газеты».

«Мною были сделаны попытки воздействовать на завод им. Ворошилова: я передал главному инженеру тов. Сватовскому пояснительную записку, расчеты и чертежи на целый ряд элементов установки, подлежащих улучшению. Кроме того, я предложил созвать на заводе им. Ворошилова совещание с участием крупнейших специалистов, а также работников предприятий, имевших несчастье приобрести злополучные установки. Однако это предложение сулило заводу только «хлопоты» и было отвергнуто. Столь же прохладно отнеслись к моему вмешательству и деятели Министерства сельскохозяйственного машиностроения СССР, в ведении которых находится завод.

Я полагаю, — заканчивает свое письмо тов. Лозинский, — что антигосударственное отношение к работе надо немедленно пресечь. Завод им. Ворошилова должен изготовлять полноценные высокочастотные агрегаты».



В туристском походе. Фотоэтюд Е. ТИХАНОВА.

Дед Климушка

Б. ЕМЕЛЬЯНОВ

Еще до войны в Хибинах, когда была закончена одна из труднейших геологических экспедиций, академик Ферсман сказал газетному корреспонденту:

— Как бы ни жалели об этом романтики, но процесс открывания новых земель у нас завершен. Наступил период освоения советской земли. Мы уже не землепроходцы, не открыватели, а добрые хозяева...

Да, мы хозяева родной земли. Мы насаждаем новые леса, создаем новые моря, разводим ценнейшие породы зверей и птиц. Обмеление рек, исчезновение редкого зверя вызывают нашу хозяйскую тревогу.

Владимир Ильич Ленин завещал нам бдительно охранять природные богатства страны. Один из первых декретов советского государства — декрет о земле—национализировал и сделал достоянием народа все охотничьи угодья страны.

Советское правительство создало в стране свыше 50 заповедников. Удалось увеличить поголовье исчезавшего соболя, морского и речного бобра, выхухоли. Чернобурых и серебристо-черных лисиц и енотов теперь разводят на многочисленных колхозных фермах. Создан и работает Всесоюзный институт охотничьего промысла с широкой сетью зональных станций. Сделано много. Но всегда ли бережно и разумно сохраняем и используем мы наши природные богатства? Нет! Сокращение охотничьего государственного фонда известно каждому охотнику. Основное зло — неумеренный и неправильный «отстрел» и «отлов» зверя и птицы.

Правильно развивая и поощряя охоту не только как промысел, но и как массовый спорт, органы Главохоты, местные советские, партийные организации ослабили контроль, прекратили воспитательную работу среди молодых охотников. Ликвидация охотничьих союзов привела к вредному массовому «любительству». Выпуск научно-популярной и художественной охотничьей литературы почти прекращен. Классические работы С. Бутурлина, Н. Зворыкина, А. Иващенцова—настольные книги охотника—стали библиографической редкостью. Такие необходимые для воспитания молодежи журналы, как «Юный натуралист», «Советский охотник», «Боец-охотник», прекратили существование.

А тем временем по лесам бродят зачастую не охотники, а вольные и невольные хищники, которые даже не знают, какие звери и птицы вредны, какие полезны. Охота иногда превращается в стрельбу по любой движущейся цели...

В прошлом году я отправился на охоту в Семеновский район Горьковской области. Здесь находится боброво-ондатровый заповедник, в организацию которого государство вложило крупные средства. Бобры прекрасно прижились на реке Керженце...

Но едва я углубился в керженские дремучие, когда-то кишевшие зверем и птицей леса, как увидел повсюду, на расстоянии десятков верст, штабеля разделанной гниющей сосны и березы. Спиленные и даже не очищенные от сучьев деревья валялись кругом. Огромные, с виду крепкие бревна рассыпались от толчка ногой. Деревья спилили, но не вывезли, и они гнили, заражая остальной лес.

Владимир Ильич Ленин наотрез отказался простить коменданту Горок одно (!) зря срубленное дерево, и комендант исправно отсидел под арестом.

С любовью и заботой относится к природе нашей Родины Иосиф Виссарионович Сталин. Г. Байдуков в своих воспоминаниях о встречах с товарищем Сталиным рассказывает, как поразила его и Валерия Чкалова забота Иосифа Виссарионовича о природе, его знание многих, даже самых скрытых свойств отдельных лесных пород.

Откуда же берутся у нас равнодушные к красоте и богатству своей земли люди?..

Из леса мы спустились в знаменитые керженские заливные луга, но и здесь не нашли дичи. Зато в избах, на ночлеге, нас повсюду угощали в августе вареными утиными яйцами, и мы поняли, что птичьи гнездовья по Керженцу были хищнически уничтожены весной. Один из местных хищников — дед Климушка, старовер и пачетчик, хороший проводник по «святым» местам кержацких скитов. Климушка в свои 65 лет занозист и бодр, год назад он вместе с сыном отбыл наказание, вернулся в родные места, в колхозе не работает и промышляет охотой. Весной, по свидетельству местных охотников, Климушка убил 60 глухарок, стало быть, начисто уничтожил шестьдесят выводков редкой птицы, и собрал две бочки утиных и тетеревиных яиц. Один такой «добытчик» уничтожает ежегодно поголовье птицы целого охотничьего хозяйства.

Пример Семеновского района, где наряду с бережным уходом за заповедными бобрами «под метлу» уничтожают деревья, зверей, птиц, типичен, к сожалению, для многих районов и областей. Леса Калининской области опустошаются всюду, кроме строго охраняемых угодий военно-охотничьего хозяйства. На Чанах—огромных озерах Новосибирской области—до сих пор в ходу охота на утку и гуся «с загоном». Линялую, лишенную перьев птицу веслами загоняют в сети и истребляют тысячами.

В Уголовном кодексе РСФСР существует статья 86[1], согласно которой производство охоты в запрещенных местах, в запрещенные сроки, или запрещенными способами и орудиями влечет за собой лишение свободы, или принудительные работы на срок до 6 месяцев, или штраф до 300 рублей. Статья 86[1] УК РСФСР дополнена «Правилами охоты», установленными для всей территории РСФСР. Статья 16 этих «Правил» указывает, что за нарушение правил и сроков охоты виновные подвергаются штрафу(!) в порядке ст. 86[1] УК. Разумеется, такое «дополнение» закона умело используют браконьеры, как великолепную лазейку для ухода от закона.

Наше охотничье законодательство и правила охоты устарели и требуют коренного пересмотра. Необходимо повысить ответственность за браконьерство. Установление 10-тысячного штрафа за незаконный отстрел лося привело уж к многократному увеличению лосей. Надо так же крепко наказывать за уничтожение джейранов, косуль, сайгаков, которых и сейчас хищнически истребляют в Казахстане и Средней Азии. Джейранов, например, бьют ночью, охотясь на автомашинах... Необходимо установить точную ответственность местных советских организаций — сельсоветов и райисполкомов за состояние природных богатств своего района. Права сельсоветов и райисполкомов по наказанию браконьеров должны быть расширены.

Следует переиздать крупными тиражами лучшие научно-популярные работы наших знаменитых охотоведов и возобновить выпуск массового охотничьего журнала.

Сокровища природы — золотой фонд нашей страны. Всемерно охранять его — долг каждого советского человека.

С разведчиками труда и науки

Ленинградская писательская организация открыла цикл вечеров писателей-путешественников. На первом вечере выступили Семен Бытовой и Михаил Марьенков.

У Бытового—добрый десяток книг стихов и прозы о Дальнем Востоке. Он много лет странствовал по берегам Тихого океана, прошел тысячи километров тайгой, а прошлым летом проделал пятьсот километров в долбленой лодке по рекам Камчатки. Очерки его опубликованы в третьей книжке «Звезды» и выходят отдельным изданием.

Марьенков—полярник. С 1932 года участвует он в арктических экспедициях. Марьенков был на Новой Земле, на Таймыре, изучил несколько профессий, работал коллектором, вычислителем, затем кончил специальные курсы и стал оператором-геофизиком. Он написал повесть для детей и путевые очерки. А если вы посмотрите на карту Новой Земли, изданную Арктическим институтом, то у юго-восточного ее обреза вы найдете продолговатое синее пятно с каллиграфической надписью: «озеро Марьенкова», названное так в честь писателя, который первым прошел туда по ледяной пустыне.

О Таймыре предстоит еще разговор в Доме им. Маяковского. Я вспоминаю сейчас тревожные дни, которые мы пережили в прошлом году, когда вдруг прервалась связь с самолетом, на борту которого находился Ив. Соколов-Микитов, влюбленный в странствия, певец родной природы, следопыт и охотник. И как у нас отлегло от сердца, когда редакция «Вечернего Ленинграда» опубликовала радиограмму, в которой старый писатель сообщал о том, каким он увидел Таймыр, и о маленькой пуночке, щебетавшей на льдине.

Десятки ленинградцев вернулись из дальних странствий, десятки только отправляются. А на выставочных щитах в одной из гостиных нашего Дома собраны фотографии, об'ясняющие и дополняющие увлекательные рассказы путешественников.

В эпоху новой сталинской пятилетки тысячи разведчиков труда и науки пошли по новым, еще не изведанным путям. Писатели идут вместе с ними, чтобы рассказать о подвигах советских людей, об энтузиазме миллионов тружеников, о новых богатствах, открываемых ими. О борьбе за процветание нашей страны, о борьбе за коммунизм должны рассказать книги писателей-путешественников.

Иосиф КОЛТУНОВ

ЛЕНИНГРАД.

Владимир ЮРЕЗАНСКИЙ

ТОРЖЕСТВО СОЗИДАНИЯ

Никогда в прошлом великие сооружения не возводились дважды. Сказочный храм Соломона в Иерусалиме исчез навеки. Сирийский город солнца Баальбек, знаменитые финикийские города Тир и Сидон погибли от опустошительных нашествий. Блистательная Пальмира, полная пальм и беломраморных зданий, была разрушена разнузданными римскими легионами. Вавилон, Карфаген и древняя столица Египта— Мемфис превращены в руины и безвозвратно занесены песками пустыни. Баснословные по великолепию византийские дворцы растоптаны дикими турецкими ордами. Римский колизей, афинский акрополь мертвы в течение многих столетий. Ничто их не поднимет, — они останутся непогребенными покойниками до полного разрушения.

Не было у народов достаточных сил и животворящих идей, во имя которых могли бы они возродить то, что в бурях войн подвергалось уничтожению.

Только в наше время и в условиях нашего социалистического строя совершаются чудеса воскрешения разрушенных врагом гигантских сооружений. Озверелые фашисты уничтожили в Советском Союзе сотни городов и заводов, десятки тысяч сел, взорвали здания многих университетов, институтов, библиотек, театров, обсерваторий, музеев. И на виду у нас величавые здания встают теперь вновь, села поднимаются из пепла, университеты, институты и театры начинают жить не только как прежде, но еще более интенсивно и полнокровно.

Невольно сравниваешь это с тем, что происходит, скажем, в Англии, Франции, Италии. Они пострадали от гитлеровского разбоя во много раз меньше, чем мы. Однако, как об этом свидетельствуют очевидцы, масштабы восстановительных работ там ничтожны.

Разрушения Лондона вследствие воздушных бомбардировок не сравнить, например, с разрушениями Сталинграда, где возрождены и уже действуют все предприятия, быстро восстанавливается жилой фонд. Казалось бы, за три года после войны и Лондон был в состоянии залечить свои раны. Но, исколесив его вдоль и поперек, можно сосчитать по пальцам строящиеся дома. Не восстанавливаются даже здания, требующие сравнительно небольшого ремонта.

«Нельзя же, — рассказывает тов. А. Палладин, побывавший в прошлом году в Лондоне с делегацией депутатов Верховного Совета СССР, — назвать восстановительными работами водружение на пьедестал спрятанной от бомбежек чугунной статуи короля Карла I. Или водворение на прежнее место в центре площади Пикадилли небольшой статуэтки Эроса»... «Известно, однако, — добавляет он, — что на ближайшие два с половиной года в Лондоне не предусматривается сколько-нибудь существенного строительства».

Ливорно—крупный порт и промышленный центр Италии. Там, где раньше на десяток километров тянулись благоустроенные пристани с причалами, теперь лежат груды камня и зеленеют пустыри. Большинство разрушенных предприятий бездействует или использовано под склады, танцовальные залы и спортивные площадки для американских оккупационных войск. Уцелевшее от бомбардировок оборудование растащено или выброшено на свалку.

А новое строительство в странах, мало задетых войной? Вице-президент Академии архитектуры Союза ССР К. С. Алабян в прошлом году побывал в Бельгии. «За время поездки по стране, — писал он, — мы не видели почти нигде в городах строительных лесов». В Брюсселе К. С. Алабян посетил строительство центрального вокзала. «Об'ем работ здесь равен примерно одной пятой части годового плана нашего Метростроя. Но в Бельгии это сооружение продолжается уже 35 лет и будет строиться еще наверное лет 20».

Такие «темпы» непривычны нам, гражданам страны, где едва ли не каждый день приносит новые замечательные победы восстановления народного хозяйства.

В ряду примеров всепобеждающей силы нашего социалистического труда и вдохновения, быть может, наиболее волнующим событием является возрождение Днепрогэса. Днепровская гидростанция, дающая самую дешевую электрическую энергию в мире, есть достижение не только советской, но и общечеловеческой культуры. И вот — она два раза построена советским народом на протяжении двух последних десятилетий.

Перед нами — книга о восстановлении Днепрогэса*. Это строгая техническая летопись восстановительных работ. Но от нее нельзя оторваться — так значительны и интересны страницы, повествующие о сложном деле беспримерного строительства.

Инженеры А. Руденко, С. Тайчер, М. Тясто, И. Кандалов, М. Эскин, Д. Инцертов, Г. Орлов, И. Подруцкий, А. Адамович, В. Шипилин, А. Лейтес, работающие над восстановлением электростанции, составили подробное описание разрушений, совершенных гитлеровцами по всем об'ектам Днепровского гидроузла. Список фашистских злодеяний сопровожден фотографиями и чертежами, — это исторический документ большой важности. Аванкамерный мост, сопрягающий устои, щитовая стена, шлюзовые камеры с их гигантскими воротами, распределительные и повысительные подстанции, наконец, самая гидростанция с девятью могучими турбогенераторами, — все подверглось дикому разрушению. За пунктуальными описаниями инженеров, словно воочию, видишь, как в глубоких кратерах враг закладывал на крышках турбин дьявольские заряды тола, как он вел к запалам зловещие провода, как производил взрыв, после которого турбины разворачивались, словно от землетрясения.

Днепрострой — наша гордость; злодейское разрушение его — тяжкая рана в сердце народа, в сердцах строителей. И вокруг восстановления гидростанции уже родились волнующие легенды, сказания, созданные самим народом.

Рассказывают, например, об академике Веденееве, главном инженере первого строительства, которого отлично помнят старые рабочие. Все видели, как Веденеев приехал в машине на левый берег. И многие, как чудесную весть, передавали распространившийся в народе слух, что сейчас же после победы под Сталинградом товарищ Сталин вызвал Веденеева в Кремль и поручил ему обдумать план восстановления гидростанции.

Люди хотели еще и еще раз почувствовать возвышающую силу творческого единения советской власти и советской науки. И вот представитель этой науки, человек, отдавший лучшие годы жизни Днепрострою, приехал. Веденеев вышел из машины — высокий, седой, стройный, как в былые годы, несмотря на возраст.

Гидростанции не было. На ее месте торчали черные обломки железных конструкций, что-то уродливое, страшное, непостижимое. И Веденеев остановился. Он замер, пораженный; казалось, он внезапно задохнулся и с усилием глотнул воздух. Глаза его расширились, из них брызнули слезы. Несколько мгновений Веденеев не ощущал слез, ослепленный горем; потом вынул платок, вытер глаза и молча пошел вдоль берега к плотине. Лицо его приобрело стальную твердость, он почувствовал оскорбление, вызов врага, требующий немедленной ответной борьбы, удара, яростной схватки.

Тысячи строителей вступили в эту схватку. И, читая техническую летопись восстановления, представляешь титанический труд наших неутомимых, талантливых, изобретательных советских людей, преодолевающих препятствия, которые казались неодолимыми, даже неприступными. Шаг за шагом, этап за этапом книга рассказывает об исключительно сложных задачах, какие стояли перед коллективом восстановителей — инженерами, конструкторами, прорабами, мастерами. Самые масштабы восстановления были романтически велики. И деловая зоркость советской технической мысли, глубина ее анализа, смелость выводов рождают чувство гордости за наших гидротехников.

Статья главного инженера Днепростроя И. Кандалова «Методы восстановления Днепрогэса», несмотря на внешнее техническое бесстрастие, захватывает. Она полна внутренней динамики, проникновенной силы убедительности, пафоса созидания. Сложные строительные процессы автор изобразил осязаемо. Рассказ о смелом сооружении защитной дамбы, которая во время паводка 1945 года предохранила площадку гидростанции от размыва, будет изучаться, как пример строительной находчивости в труднейших обстоятельствах. Картины расчистки взрывных завалов, вскрытия донных отверстий для пропуска весенних вод, описание последующей героической заделки отверстий, — все это страницы не только трудной инженерной практики, но и большого, чисто живописного мастерства изложения. С невольным восхищением ощущаешь, как книга технических записей и чертежей превращается в повествование о величественной эпопее социалистического труда.

Кратка и с виду суха статья В. Шипилина «Месячное планирование и ежедневная оперативная отчетность». Но она дает представление о напряженной работе коллектива восстановителей и его руководства. Каждый этап был тщательнейше продуман, каждая минута времени строжайше учтена. В этом сказались замечательная организованность, мужество и упорство людей сталинской эпохи. Все участки имели посуточный календарный график, по графику распределяли работу и силу, механизмы и огромнейшее количество материалов. График был результатом творчества большого коллектива инженеров, мастеров и рабочих. График стал железным законом строительства, его часовой, даже больше, — секундной стрелкой.

Наконец, статья архитектора Г. Орлова «Архитектура Днепровской гидроэлектростанции» знакомит с характером сооружений гидроузла и с проектом будущей застройки берегов Днепра. Прекрасно искусство зодчества нашего социалистического общества! Мы читаем о планировке большой площади на левом берегу реки с монументальным памятником В. И. Ленину против плотины и гидростанции, и нас охватывает волнение. Площадь будет архитектурным завершением города Запорожья. Запорожье выйдет к памятнику огромным проспектом длиною в двенадцать километров. Многоэтажные жилые дома и дворцы общественных зданий составят этот необыкновенный проспект. Правый берег Днепра станет городом-садом. Уже сейчас от аванкамеры и повысительной подстанции на целые гектары растут молодые яблони, а к западу от проспекта Винтера раскинулись зеленокудрые скверы и парки. Главное же средоточие жизни правого берега — окаймленную акациями и кленами площадь — украсит большая скульптура, изображающая великого вождя и вдохновителя советских народов И. В. Сталина.

Даже мелкие детали стройки не остались вне поля зрения архитекторов. На плотине установлены отлитые по особому рисунку металлические перила с пятиконечной звездой и государственным гербом Советского Союза. На проезжем мосту плотины водружены высокие мачты светильников, художественно выполненные в гармоническом сочетании с общим стилем сооружений. По специальным чертежам изготовляются огромные фарфоровые абажуры к светильникам и фигурные стальные кронштейны для трамвайных проводов.

Так сила труда и мысли советских людей воссоздает энергетическую мощь крупнейшей в Европе гидростанции, рождая новую красоту на месте ужасных разрушений. Фашисты умертвили гидростанцию. Советский народ под руководством коммунистической партии воскресил ее из мертвых. На Западе еще в 1944 году утверждали, что подобного «чуда» никогда не будет. Советский народ это чудо совершил. Днепровская гидростанция на протяжении короткого срока построена вторично.

Книга инженеров о восстановлении Днепровской гидроэлектростанции не только войдет в библиотеки всех технических вузов нашей страны. Чем дальше, тем больше она будет приобретать характер яркого исторического документа. Она является своеобразным памятником прекрасного человеческого подвига. И этот подвиг зовет писателей запечатлеть его в памяти поколений достойными художественными произведениями.

* «Восстановление Днепровской гидроэлектростанции имени В. И. Ленина». Сборник статей под редакцией начальника Днепростроя Ф. Г. Логинова. Госэнергоиздат. 1947, 112 стр.

ПРОДОЛЖАЕМ ОБСУЖДАТЬ

КАК СТРОИТЬ КУРС СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

НЕСКОЛЬКО ВОЗРАЖЕНИЙ

В своей статье А. Дементьев и Е. Наумов вполне своевременно поставили вопрос о перестройке преподавания истории советской литературы.

Однако не все их предложения можно принять безоговорочно.

Прежде всего бросается в глаза серьезная неточность в примерной периодизации курса. Третий раздел предложенной авторами схемы гласит: «Литература восстановительного периода и периода социалистической реконструкции (20-е годы)».

Период восстановления действительно ограничивается двадцатыми годами. Но как можно сказать, что период социалистической реконструкции заканчивается в эти же годы? Это явное недоразумение.

Нельзя понять, почему из монографического списка годов восстановительного периода исключено имя Ф. Гладкова. В какой же еще книге, как не в «Цементе», изображено с такой силой страстное, неуемное желание пролетариата восстановить то, что было разрушено двумя войнами, интервенцией? Ценность литературного опыта Ф. Гладкова состоит еще и в том, что одного из героев «Цемента» (Глеба Чумалова) он переносит в новые условия (роман «Энергия»), рисуя образ советского строителя в условиях новой эпохи. Нельзя забывать о том, что вместе с Ф. Гладковым в советскую литературу впервые вошла тема созидательного труда.

Неосновательным кажется нам и то, что из этого же списка исключен Ф. Панферов. Никак нельзя забывать, что в романе «Бруски» отражены процессы, происходившие в те годы в советской деревне.

В четвертый раздел (литература периода сталинских пятилеток) А. Дементьев и Е. Наумов предлагают включить монографический очерк о Ю. Тынянове. На этом следует остановиться, но не для того, чтобы согласиться с таким предложением. Никто не станет оспаривать художественную силу, образность книг Ю. Тынянова. Но могут ли романы Ю. Тынянова служить основой для обсуждения общих проблем советского исторического романа? На наш взгляд — не могут.

Двадцатилетняя работа А. Толстого над образом Петра I — от новеллы «День Петра» до третьей, незаконченной части романа — это путь постепенного, проходившего с большим трудом, но явственного преодоления суб'ективного отношения к историческому материалу.

Этого никак нельзя сказать о книгах Ю. Тынянова. Интуиция художника, в сочетании с широкими знаниями, позволяла ему находить новое, неизвестное до него в обрисовке отдельных фактов и характеров (например, страницы, посвященные Карамзину, в третьей части романа о Пушкине), но это, в сущности, относится к боковым явлениям. Что же касается общей концепции, то суб'ективизм художника, его личный интерес в выборе фактов и явлений остался непреодоленным. Вот почему мы считаем, что переход от книг Ю. Тынянова к постановке общего вопроса о советском историческом романе — прием нецелесообразный и дезориентирующий.

Монографический очерк о М. Исаковском авторы указанной статьи предлагают включить в тот же четвертый раздел схемы. Это не лучшее решение вопроса. Правильнее было бы дополнить этим очерком пятый раздел схемы (литература периода Великой Отечественной войны). Именно в этот период достигло расцвета творчество М. Исаковского.

Перед литературоведами и критиками стоит задача — создать новые учебники и программы по истории советской литературы. Учебники, которые нам известны, были несовершенны для времени выхода в свет и совершенно неудовлетворительны теперь. Лишь на основе строгого историзма могут быть созданы книги, которые так нужны для идейного воспитания нашей молодежи.

С. МАРВИЧ

Л. ДМИТРИЕВ

Угодническая критика

ЖУРНАЛ «РУССКИЙ ЯЗЫК В ШКОЛЕ» ЗАЩИЩАЕТ ТРУДЫ АКАДЕМИКА В. ВИНОГРАДОВА

Несколько месяцев назад на страницах «Литературной газеты» были подвергнуты резкой критике серьезные недостатки труда академика В. Виноградова, книги профессора А. Реформатского, книги профессоров Н. Чемоданова и Р. Шор. «Литературная газета» выступила против попыток оторвать науку о языке от общественно-политической жизни, против псевдоакадемического об'ективизма и бесстрастия лингвистических исследований, против раболепия перед буржуазными учеными Запада — за партийную, марксистско-ленинскую науку.

В своих статьях тт. Б. Агапов, К. Зелинский, А. Марьямов, Г. Сердюченко, а также многочисленные читатели в письмах, преподаватели, аспиранты и студенты — резко осудили позицию части языковедов, пытавшихся отгородиться от нашей современности, замкнуться в некоем особом лингвистическом «царстве», уйти в мир пустых абстракций, формалистических изысков и маловразумительных иностранных терминов.

Множество писем читателей, а также бурные и плодотворные научные дискуссии, происходившие в Москве, Ленинграде и других городах, показали, что выступления «Литературной газеты» были своевременными, а критика этих книг необходимой и правильной.

Некоторые научные работники, особенно в стенах Московского университета, приняли сначала критику в штыки. Проф. М. Петерсон и проф. Р. Аванесов, доцент Е. Галкина-Федорук выступили с безоговорочным славословием в адрес академика Виноградова и столь же безоговорочными хулами в адрес его критиков.

Вскоре после этого открытое партийное собрание филологического факультета МГУ правильно осудило стремление части работников факультета замять критику, а поведение особенно ярых противников этой критики квалифицировало как непартийное. Вместе с тем многие выступавшие указывали на серьезные недостатки книги академика В. Виноградова, на оторванность от жизни лингвистических изданий факультета, на ошибочную трактовку в них и в лекциях ряда явлений языка и литературы. Это было началом большой критической дискуссии.

В прениях выступали и научные работники, ранее бывшие безоговорочными апологетами академика В. Виноградова. Они (в том числе и доцент Галкина-Федорук) согласились с необходимостью критики и сами внесли в нее посильную лепту, указав на ряд пороков труда, еще недавно провозглашенного ими непогрешимым. Казалось, это был честный пересмотр своей ошибочной позиции. Сам академик В. Виноградов признал, хотя и с оговорками, необходимость критики своего труда.

Первые месяцы журнал «Русский язык в школе» наблюдал за всем происходящим с невозмутимым спокойствием. Но так или иначе,—свою позицию все же надо было определить. И вот, почти полгода спустя, журнал решил, наконец, выступить.

В первом и втором номерах за 1948 год (подписаны к печати 9/III и 8/IV) опубликованы рецензия И. Мучника на книгу А. Реформатского «Введение в языковедение», рецензия Е. Галкиной-Федорук и Н. Поспелова на книгу проф. В. Виноградова «Русский язык», заключение двух кафедр по этой книге и отчет об открытом партийном собрании Института языка и мышления и Института русского языка Академии наук СССР.

Журнал «Русский язык в школе» рассчитан на многотысячную армию учителей, преподающих русский язык, на студентов педагогических и учительских институтов, на научных работников в области русского языка. Казалось бы, задача журнала состоит в том, чтобы, во-первых, информировать своих читателей о резкой принципиальной критике, которая, по выражению одного из участников дискуссии, внесла освежающий ветер в тихую заводь языкознания. Во-вторых, дать убедительную и недвусмысленную оценку ошибкам в работах лингвистов и, главное, вскрыть корни этих ошибок: непреодоленные влияния идеалистической западной лингвистики, отсутствие твердой марксистской базы, чрезмерный пиэтет по отношению к «столпам» западного языкознания.

Ничего этого не произошло.

В своей рецензии на книгу Реформатского И. Мучник всячески обходит острые углы и щедро рассыпает комплименты: «В книге имеется много нового, своего, и проявляется это довольно разнообразно: это или новое слово в науке, результаты исследований автора, или же новая трактовка какого-либо вопроса, или же, наконец, оригинальная манера построения либо изложения материала».

Из всех этих неумеренных похвал можно согласиться только с одной. «Более чем «оригинальная» манера изложения материала характеризует эту книгу, написанную тяжеловесным, неудобочитаемым языком.

Рецензент упоминает о том, что Реформатский недостаточно точно цитирует философские тетради Ленина. Но он умалчивает, что здесь не просто небрежная цитата, что само по себе недопустимо; В. Виноградов приписал Ленину гегелевское положение для того, чтобы подкрепить свое собственное рассуждение о невозможности выразить мысль словом, сочувственное цитирование тютчевского—«мысль изреченная есть ложь», умиление по поводу «словотворчества футуристов», словом, проповедь языкового агностицизма.

Вся рецензия полна недомолвок, реверансов, оглядок. По этому же рецепту, только несколько более умело, сделана и рецензия Галкиной-Федорук и Поспелова на книгу профессора Виноградова «Русский язык».

Приведя требования к учебнику, сформулированные товарищем Ждановым, рецензенты задают вопрос: «Отвечает ли книга акад. Виноградова таким требованиям?» Несомненно, этот самый существенный для читателя вопрос требует ясного и недвусмысленного ответа. Ответ: «Во всяком случае первая глава книги... этим требованиям далеко не отвечает». Ну, а вся книга в целом? Храбро задав вопрос, рецензенты постарались замять его, замаскировав частичным ответом о недостатках первой главы.

Далее следует довольно расплывчатая критика «Введения», изобилующая такими местами: «Определение же грамматики, данное академиком В. В. Виноградовым, легко может повести к обвинению в формализме, хотя, в общем, обвинять В. В. Виноградова в формализме нет оснований». Это, разумеется, не критика по существу; скорее это приятельские указания на то, что необходимо сгладить, чтобы не давать лишнего повода для критики! Таков смысл этой уклончивой и зигзагообразной рецензии.

Но и этого редакции журнала показалось недостаточным. В компенсацию за робкую, половинчатую, угодническую критику она в том же номере напечатала заключение кафедр русского языка МГПИ им. Ленина и МОПИ на книгу академика В. Виноградова, где после нескольких замечаний следует безудержный панегирик.

Для того, чтобы совершенно скрыть от читателей истинную реакцию научного и общественного мнения, кроме этого апологетического заключения, в том же номере журнала напечатан более чем странный отчет об открытом партийном собрании в языковых институтах Академии наук. Все критические выступления представлены здесь в академически сглаженном виде, а наиболее острые суждения опущены вовсе.

Заметив сквозь зубы: «Серьезной критике со стороны собравшихся подверглись односторонние выступления докторанта А. Н. Ефимова и доцента С. Е. Крючкова», авторы редакционного отчета без всякой оценки воспроизвели основные положения этих крикливых выступлений. Они умолчали, впрочем, что одним из главных тезисов доцента Крючкова было фактически направленное против развертывания самокритики заявление о том, что, критикуя известных ученых, мы даем оружие нашим врагам. «Что скажут в Европе!» — воскликнул, вздымая длани горе, новоявленный Фамусов.

Подоплека появления этих рецензий и отчета понятна. Вынужденные под давлением общественного и научного мнения выступить с робкой критикой мэтра, «ученики и почитатели таланта» решили печатно искупить свою вину.

Но вряд ли педагогическая и научная общественность согласится, чтобы члены редколлегии журнала «Русский язык в школе» улаживали свои личные отношения с академиком Виноградовым на страницах печатного органа.

Сергей ЛЬВОВ

Под властью Больших Жаб

Каждый день газеты приносят нам телеграммы об очередном воинственном заявлении очередного американского генерала или о новой истерике атомщиков, угрожающих смертью и истреблением всему миру. Среди подобных заметок рядовым покажется и сообщение о том, что монополисты, в руках которых находится пищевая промышленность, сперва пытались положить под сукно патент на изобретение, означающее огромное удешевление продуктов, а когда им это не удалось,—посадили изобретателя на скамью подсудимых. Мы привыкли к подобным свидетельствам трагических противоречий, которые раздирают агонизирующий капитализм.

Но то, что показалось бы нам вполне достоверным газетным сообщением, является на самом деле завязкой нового фантастического романа «Патент «АВ», принадлежащего писателю Л. Лагину.

Не будет парадоксом утверждение, что значительность этого фантастического романа — в его реализме. Ибо в нем фантастична лишь первая посылка сюжета: представим себе, что в некоем империалистическом государстве А., далекий от политики ученый открыл препарат, ускоряющий рост животных. Экономия средств, затрачиваемых на выращивание скота, должна означать огромное снижение цен на мясо, молоко, кожу и шерсть. Ученый наивно полагает, что, организовав производство этого препарата в широких масштабах, он облагодетельствует человечество. Вслед за этой фантастической посылкой начинается вполне реальная история. Автор романа с неотвратимой логичностью показывает, что должно произойти с таким изобретением и таким изобретателем в условиях капиталистического общества. Монополистические концерны государства Аржантейи — так называется страна, в которой происходит действие романа,—решают приобрести патент у изобретателя. Он нужен им не для того, чтобы использовать его (какому дельцу в капиталистическом мире может быть выгодно снижение цен!), а чтобы шантажировать мясных, молочных, консервных и текстильных королей, получая от них огромную дань за то, чтобы «не были выпущены на рынок маленькие ампулы элексира, несущие сытую, обеспеченную жизнь огромному большинству народа Аржантейи и всего мира».

Изобретатель не соглашается на это. Тогда начинается инспирированная монополистами травля, в результате которой по ложному обвинению в убийстве ученый попадает под суд. Как и полагается в настоящем империалистическом государстве, реакционеры Аржантейи используют процесс для разнузданной антикоммунистической кампании. Как видно из сухого пересказа содержания, ничего фантастического в судьбе доктора Попфа нет. Напротив, это типичная судьба прекраснодушного, политически близорукого интеллигента, который предполагает, что разумное, направленное на благо большинства человечества изобретение не может не восторжествовать, независимо от общественного строя его страны. Это вполне реальная история изобретения, означающего новый скачок в развитии производительных сил и поэтому особенно остро обнажающего уродливость капиталистического строя. Но история изобретения этим не заканчивается. С неумолимой в условиях империализма закономерностью изобретение начинает жить второй зловещей жизнью. Похищенное монополистами, оно становится основой страшного человеконенавистнического плана. Трех-четырехлетние дети путем ин'екции элексира превращаются во взрослых людей, сохраняя при этом умственные способности ребенка. Обученные простейшим техническим приемам, они должны стать беспрекословно повинующимися рабочими в дни мира, полицейскими, когда бастуют рабочие, солдатами, когда начнется война. История фантастического элексира по социальной своей сущности оказалась не более фантастической, чем история атомной энергии. И атомная энергия могла бы открыть человеку огромные богатства, освободить людей от непроизводительного труда, а превратилась в козырь в большой политической игре спекулянтов войной, бизнесменов военной истерии.

Роман представляет собою талантливый памфлет на современное буржуазное общество. Кроме главного героя, в нем изображены еще десятки человеческих жизней, изуродованных общественным строем Аржантейи. Осужден на уплату огромной неустойки цирковой артист — лилипут Магараф, осужден потому, что он вырос и тем самым нарушил контракт с предпринимателем. Никому нет дела до того, что Магараф стал полноценным человеком. Его хозяин понес убыток: это важнее. Для того, чтобы найти себе жалкий ангажемент, талантливейший скрипач страны должен выдавать себя за... выросшего Магарафа. Только скандальная газетная сенсация может привлечь внимание пресыщенных законодателей вкуса к его искусству. Один из некоронованных властителей страны Примо Падреле подставляет под пули своего родного брата, боясь претензий на соnаследство. Таков мир Аржантейи, столица которой носит выразительное название — Город Больших Жаб!

В свое время всю Аржантейю облетела крылатая фраза из замечательного памфлета профессора университета святого Даниила господина Камилла Спуина: «Меня поражает в господине Падреле Примо не его баснословное богатство, не его железный характер, даже не его поистине необозримые деловые связи, а то, что он выработал в себе способность не улыбаться, произнося слово «демократия». Эти слова могут быть отнесены ко всем «Большим Жабам» всемирного империализма.

Гротескно название столицы этого государства, но за жабьими мордами гротеска мы узнаем вполне реальные лица новых поджигателей войны.

За последнее время у нас мало появилось хороших книг в жанре фантастического романа и политического памфлета, поэтому хочется особенно приветствовать появление книги «Патент «АВ», автор которой умело сочетает гротескные средства памфлета с острым сюжетным построением фантастического романа.

Не все удачно в произведении Л. Лагина. Возражение вызывают явно ощутимые литературные реминисценции. Страницы, на которых владельцы ресторанов и магазинов ради рекламы бесплатно кормят и одевают выросшего Магарафа, звучат, как пересказ соответствующих страниц из рассказа Марка Твена «Банкнот в миллион фунтов стерлингов». История чудовищно выросшего кота Маркурия, превратившегося в грозу города Бакбук и окрестностей, вызывает слишком много ассоциаций с книгой Уэллса «Пища богов».

Зато совсем уже не в упрек автору можно сказать, что лучшие страницы его романа заставляют вспомнить «Войну с саламандрами» Карела Чапека. И это как раз те страницы, где совершенно не чувствуются сюжетные заимствования, литературные ассоциации, представляющие собой наибольшее зло современного фантастического романа. Эти страницы близки Чапеку умением подметить уродство современного капиталистического общества, которое почти не нуждается в преувеличении для того, чтобы стать карикатурой.

Л. Лагин. «Патент «АВ». «Советский писатель», 1948, 348 стр.

По страницам зарубежных научных книг и журналов

«ЧИСТАЯ» РАСА

Как известно, некоторым современным американским деятелям пришлась весьма по вкусу пресловутая расовая теория. «Теоретически» обосновывая превосходство англо-саксонской расы над всеми прочими, они думают «облагодетельствовать» народы всего мира установлением американского господства.

В свете этих рассуждений представляют интерес результаты исследований американских антропологов, неосмотрительно опубликованные в одном из номеров «Science news Letters» за 1947 г. Данные эти говорят о том, что всех белых американцев можно разделить на несколько резко различающихся между собой типов: северный, ирландский, средиземноморский, альпийский и варианты тех же типов с примесью индейской крови. Наиболее характерными и общими для всех американцев, оказывается, являются признаки вовсе не англо-саксонской, а ирландской, т. е. кельтской расы (!).

Итак, «американский тип белого человека», оказывается, ничем не отличается от европейского — смешанного и т. д.

Как же быть с медалью за лучшую породу? Кому ее присудить?

ФИЛОСОФИЯ МИСТЕРА КЛАРКА

В США издается множество претендующих на научность книг, в которых проповедуется благодетельность смерти. Авторы их убеждают доверчивых читателей в том, что все лишения, которые им приходится испытывать на земле, об'ясняются отнюдь не существующими общественными порядками, а просто тем, что наша планета слишком густо населена. Невозможно, мол, удовлетворить такую массу людей, требующих работы и своей доли счастья.

Автор одной из подобных книг («Условия экономического прогресса») К. Кларк пишет: «Наша земля — отчаянно плохое место. Беда в том, что до сих пор нет практической программы ограничения прироста населения».

Таким образом, мы узнаем, что войны, эпидемии, детская смертность — реальные блага, а вовсе не бедствия. Оказывается, их надо призывать и всячески радоваться им, так как только они могут помочь человечеству (конечно, оставшейся в живых его части) сносно устроиться на земле.

БЕСКОРЫСТНЫЙ ДЯДЯ СЭМ

В декабрьском номере журнала «Industrial and Engineering Chemistry» помещено высказывание Комиссии по оказанию помощи европейским странам. Комиссия считает, что народы Европы могут «хотя бы частично» отплатить Америке за ее бескорыстную помощь, предоставив ей преимущественное право на эксплоатацию богатых железных руд Лабрадора (колония Англии), запасов нефти в Венесуэле, залежей хрома и никеля в Новой Каледонии (французская колония)... И все это в уплату за американский кленовый сахар и тушонку.

Неплохой аппетит у бескорыстного дяди Сэма!

Уолл-стрит приказал: — Дьюи!

Г. ПЕТРОВ

Закончившийся несколько дней назад в Филадельфии с'езд республиканской партии выдвинул кандидата в президенты США. Торг за право быть выдвинутым шел пять дней подряд. Филадельфия была сплошь оклеена тысячами плакатов и воззваний, в штаб-квартирах претендентов бесплатно раздавались сладости, освежающие напитки и даже найлоновые чулки. Огромный резиновый слон — эмблема республиканской партии — возвышался над отелем «Бельвю Статфорд», где размещен был ее национальный комитет. Город находился буквально в плену у многочисленных агитаторов, контрагентов, толкачей и дельцов, зарабатывающих на предвыборной горячке. Сторонники Тафта пустили в ход даже живого слоненка, которого водили по улицам Филадельфии не столько на показ, сколько для рекламы...

Но Тафту не помог ни слон, ни драконовский антирабочий закон, разработанный Тафтом в соавторстве с Хартли, в угоду крупным монополистам. За бортом остались также и сенатор Ванденберг, и бывший губернатор штата Миннесота Стассен, и председатель палаты представителей Мартин. Уолл-стрит, финансирующий и контролирующий республиканскую партию, остановил свой выбор на Томасе Дьюи.

Пока с'езд слушал однотонные хвастливые речи о «заслугах республиканской партии», единственно способной якобы установить образцовый порядок внутри страны и привести США на вершину мировой славы, — где-то в тиши и за пределами зала заседаний действительно решался вопрос о кандидате. И если на с'езде республиканцев победил Дьюи, то это произошло вовсе не потому, что его от других отличает своя политическая программа или у него больше, чем у его соперников, личных предпосылок к тому, чтобы стать президентом. Дьюи победил только по той причине, что он больше, чем остальные республиканские кандидаты, пользуется доверием крупных финансово-монополистических кругов, которые не прочь заменить нередко спотыкающуюся лошадь, впряженную ныне в президентскую колесницу.

Характерно, что выступавшие на с'езде ораторы выражали политическую позицию самых крайних агрессивных кругов и ополчались не только против покойного Франклина Рузвельта и его «нового курса»; одновременно они достаточно резко выражали свое недовольство и нынешним правительством США, которое, несмотря на все свои старания, видимо, все же полностью не удовлетворяет сегодняшним требованиям и аппетитам Уолл-стрита.

Губернатор штата Иллинойс Дуайт Грин в своей воинственной речи наиболее ярко выразил политическую линию с'езда республиканской партии.

Говоря о перспективах внешней политики, Грин заявил: «давно испытанная республиканская традиция заключается в том, что американское влияние должно чувствоваться повсюду за пределами нашей страны...»

В переводе на общепонятный язык речь Грина означает, что республиканская партия, претендующая на то, чтобы безраздельно хозяйничать в Белом доме, намерена усиленно продолжать гонку вооружений и политику экспансии в целях завоевания американским империализмом мирового господства. Именно Дьюи после его водворения в Белый дом и предполагается поручить проведение в жизнь этой авантюристической политики.

* *
*

Сорокашестилетний Томас Эдмунд Дьюи происходит из семьи местного республиканского деятеля штата Мичиган. Окончив школу, Дьюи поступил в Мичиганский университет и по окончании его получил степень баккалавра искусств.

В течение двух лет Дьюи занимался в Колумбийской юридической школе, одновременно выступая в церковном хоре. В 1925 году он становится юристом и в 1931 году получает пост главного помощника окружного прокурора Нью-Йорка. Участие в нашумевших уголовных процессах приносит Дьюи некоторую известность, а в 1937 году он становится окружным прокурором Нью-Йорка.

Довольно быстрое продвижение по служебной лестнице все же не удовлетворяло честолюбивого Дьюи. В 1938 году он выставляет свою кандидатуру на выборах губернатора штата Нью-Йорк, но терпит поражение. Эта неудача не обескураживает Дьюи, — он мечтает о карьере президента США.

На с'езде республиканской партии в Филадельфии в 1940 году баллотировалось 13 кандидатов, в том числе Дьюи. На этот раз Дьюи был забаллотирован, несмотря на то, что местные республиканские организации в различных штатах не стеснялись в методах отстаивания его кандидатуры; это вызвало даже создание специальной комиссии сената для проверки источников получения средств, затраченных во время избирательной кампании. Тогда шестым туром голосования был выдвинут Уилки, за спиной которого стоял Морган. Дьюи уступил, но спустя два года добился традиционного промежуточного поста на пути в Белый дом, — он стал губернатором штата Нью-Йорк.

Как известно, Уилки не стал президентом. Но опыт борьбы с ним, видимо, коечему научил Дьюи. Американская печать указывала на то, что Дьюи постарался установить тесную связь с «Национальной ассоциацией промышленников». Могущественный промышленный магнат Дюпон (капитал концерна «Дюпон» составляет свыше двух миллиардов долларов) становится политическим покровителем Дьюи. Через Джона Фостера Даллеса Дьюи устанавливает контакт с руководящими кругами Уолл-стрита, в том числе с семьей Рокфеллеров. Генри Форд также поддерживает Томаса Дьюи. Именно тогда руководитель профсоюза рабочих автомобильной промышленности Томас назвал Дьюи «надеждой реакции».

Заручившись такого рода связями, Дьюи готовился к избирательной кампании 1944 года. Конкурентом его на этих выборах был Франклин Рузвельт. И хотя, по утверждению известного американского публициста Джорджа Сельдеса, «республиканская партия затрачивала наибольшее количество средств на подкупы и различные другие махинации», — ей все же не удалось провести своего кандидата Дьюи в президенты. Большинство американцев проголосовало за Рузвельта и его политику.

Поражение Дьюи на выборах 1944 года было все же представлено заинтересованной прессой Херста—Маккормика как победа. Уже тогда, несмотря на поражение, Дьюи был определен магнатами Уолл-стрита для большого «бизнеса», и вокруг него, по их приказу, начали создавать ореол дутой популярности.

Готовясь к выборам 1948 года, Дьюи соблюдает некоторую осторожность и иногда прибегает к своеобразной таинственности, чтобы не снизить опрометчивым или чересчур откровенным высказыванием свои шансы на конечную победу. Все же предвыборные речи Дьюи дают представление о его политических взглядах.

Он активно поддерживает «доктрину Трумэна» и план Маршалла. Он подчеркивает, что является сторонником англо-саксонского и западноевропейского военного союза. Дьюи ратует за увеличение вооружений и численности армии, за политику экспансии.

Если в 1940 году Дьюи, обвиняя Рузвельта, называл его «сторонником фантастического сотрудничества с Россией», то и теперь нередко в своих речах он говорит о «красной угрозе», допуская выпады против Советского Союза и его внешней политики.

Американская «большая» пресса восхваляет сейчас взгляды и способности Дьюи. В мартовском номере журнала «Лайф» ему посвящена большая статья, в которой щедро перечислены добродетели этого кандидата в президенты. В связи с этим нам вспомнилась другая статья из того же журнала «Лайф», напечатанная в номере от 22 апреля 1940 года. В этой статье, также посвященной Дьюи и как бы суммировавшей аргументы, выдвигавшиеся в то время против его избрания, говорилось следующее: «В качестве особоуполномоченного по борьбе с бандитизмом и контрабандой он действовал, исходя из принципа — «цель оправдывает средства», и часто пренебрегал гражданскими свободами. Возникают опасения, как бы Дьюи, будучи в Белом доме, не пошел по стопам Гитлера».

Это, разумеется, не мешает сейчас тому же журналу «Лайф» рьяно выступать за кандидатуру Дьюи. На его стороне пресса Херста и Маккормика, Дюпон и Даллес, семья Рокфеллеров и нефтепромышленник Вентц. Соперник Дьюи — Мартин, под давлением текстильного магната из Пенсильвании Гранди, уступил свои голоса. Вслед за Мартином отступили перед Дьюи и остальные кандидаты-республиканцы. После того, как торг закончился в пользу Дьюи, и сделка состоялась, с'езд республиканцев продемонстрировал «единство», единогласно выдвинув Дьюи кандидатом в президенты.

* *
*

Конечно, Дьюи еще не вошел в Белый дом, но это не мешает его сторонникам без всякого стеснения и во всеуслышание начать делить шкуру «неубитого медведя» и заняться распределением всякого рода «портфелей». Американская пресса открыто говорит, что в случае победы Дьюи на выборах в ноябре 1948 года Даллес получит давно желанный для него пост государственного секретаря и вытеснит Маршалла. В министры обороны прочат Эдуарда Мартина, который обладает для этого всеми качествами, — он и банкир, и генерал одновременно. На пост министра почт и телеграфа претендуют сразу три человека из числа руководителей предвыборной кампании в пользу Дьюи — Браунелл, Джекл и Спрейг.

Братья Олсоп в газете «Нью-Йорк геральд трибюн» от 24 июня прямо указывали, что сторонники Дьюи купили поддержку своего кандидата обещаниями правительственных постов и всякого рода «теплых местечек» и выгодных сделок. Вот почему промышленник Гранди серьезно надеется, что ему и его аппарату «будет позволено распределить более 100 тысяч федеральных постов в штате Пенсильвания».

Таковы политические нравы в Америке, где за доллары продается все, вплоть до поста президента.

Сторонники Дьюи уверены в его победе на предстоящих в ноябре выборах, «так как, — заявляют они, — на этот раз мы не имеем соперника». Судя по этим заявлениям, ни Трумэн, ни любой другой кандидат демократов всерьез ими не принимается. Однако демократы, назначившие свой с'езд на 12 июля, едва ли уступят без боя Белый дом, в котором они находились 16 лет подряд.

Кроме того, на президентских выборах 1948 года, вопреки установившейся традиции, выступает кандидат от третьей партии США — Генри Уоллес. Эта партия уже представляет внушительную силу.

Таким образом, предстоящие выборы президента США явятся не только очередной схваткой между несколькими финансовыми и промышленными кликами, протаскивающими своего кандидата в Белый дом. Они будут и демонстрацией роста политической сознательности и активности передовых, прогрессивных слоев американского общества, совершающегося на глазах у всего мира, несмотря на бешеные усилия реакции и все ее маневры.

БЫТ И НРАВЫ ЗА РУБЕЖОМ

В МИРЕ ПОЛИЦЕЙСКОЙ «ДЕМОКРАТИИ»

Это фото, помещенное в английской газете «Рейнольдс ньюс», — наглядное доказательство того, какой надежной полицейской поддержкой пользуются в современной Англии «фюрер» британских фашистов Мосли и вся его «партия».

На снимке: полицейские расправляются с противниками Мосли, выступившими на митинге против его сторонников.

ДЖЕНТЛЬМЕНЫ В КОСТЮМАХ ХАКИ

Журнал «Солджер», орган британского военного командования, задался целью составить своего рода инвентарный список наиболее примечательных качеств английского солдата. По уверению редакции, ей удалось насчитать у любого из них не более и не менее, как восемнадцать самых «благородных и возвышенных качеств». На этом «основании» журнал приходит к выводу, что если английские военнослужащие и не являются «ангелами во плоти», то во всяком случае должны быть признаны, по меньшей мере, «джентльменами в костюмах цвета хаки», «наилучшими послами западноевропейской демократии».

Однако за последнее время некоторая часть английской печати вынуждена была не только переменить тон, но и далеко не лестными словами охарактеризовать поведение английских солдат и офицеров, находящихся, в частности, в Германии. Так, например, лейбористская газета «Пипл», правда, с большой неохотой, но все же процедила сквозь зубы следующее признание: «...наши войска и гражданский персонал заложили основание необ'ятному черному рынку в Германии, и одно небо знает, как много они выкачали из Германии путем обмана».

Итак, «джентльмен в костюме цвета хаки» стал одним из организаторов немецкого черного рынка. Очевидно, все восемнадцать присущих ему качеств пошли английскому солдату при этом на пользу.

Но вот в незавидной роли защитника и покровителя всей своры спекулянтов в военных мундирах выступил бывший в то время военным министром Белленджер. Он признал совершенно открыто, что впервые о спекулятивных операциях английских солдат и офицеров ему стало известно, когда он был еще финансовым секретарем военного министерства. «Это удивило меня, — заявил Белленджер, — хотя я и знал о ловкости британской армии в области совершения сделок и извлечения выгоды».

Удивление, испытанное Белленджером, не помешало ему весьма снисходительно отнестись к спекулятивной горячке, охватившей британскую оккупационную армию. Ибо он — Белленджер — не видит ничего предосудительного в том, что солдаты «нашли возможным быстро и без труда сколотить деньги».

Нетрудно понять, что после такого заявления военного министра спекулянты в форме цвета хаки окончательно распоясались. Оргия наживы приняла такие размеры, что даже консервативная «Дейли мейл» обрушилась с резкой критикой на военные власти. В статье, озаглавленной «Бесчестье для Британии», газета писала: «Начиная от самых нижних чинов и до самых высших, необычайная коррупция охватила войска. Едва ли не ежедневно мы со стыдом читаем о том, что британские офицеры обвиняются в разложении, грабеже или тому подобных преступлениях. «Скраунджинг» — вот новое слово, специально созданное для обозначения массового воровства германской собственности. Бандитизм и шантаж стали частью повседневного существования оккупационных сил. Такого рода поступки делают имя Британии зловонным в Европе».

От своих мужей — «джентльменов в костюмах цвета хаки» и «послов западноевропейской демократии» — не отстают и их жены. Вот как живописует их поведение газета «Ньюс кроникл»: «Жены военнослужащих английской армии не упускают возможности заняться легким грабежом. Погоня за антикварными вещами, драгоценностями, мехами, мебелью является их основным занятием».

Таков повседневный «быт» английской оккупационной армии в Германии в изображении самой английской печати; таковы нравы в среде «джентльменов в костюмах цвета хаки», нравы, которые снисходительно и покровительственно одобряются членами лейбористского кабинета.

Е. ВЛАДОВ

ФАКТЫ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

РУЗВЕЛЬТ ПОД БОЙКОТОМ

Как сообщает «Дейли уоркер», ни один кинотеатр в столице США не согласился демонстрировать выпущенный в прошлом году большой документальный фильм «Рассказ о Рузвельте». Влиятельный вашингтонский «Национальный пресс-клуб» отказался содействовать показу фильма на экране. Лишь через год картину удалось продемонстрировать в небольшом только что открывшемся кинотеатре.

ЧЕРНЫЕ СПИСКИ ДЛЯ ПРОФЕССОРОВ

Для того чтобы получить представление об атмосфере, господствующей сейчас в Чили, следует лишь прочитать несколько строк из статьи, напечатанной в газете «Диарио иллустрадо»: автор статьи требует, чтобы имена профессоров, «рассказывающих в своих лекциях (без прямого упоминания о коммунизме) о нищете одних, о богатстве других, об эксплоатации бедных, о паразитизме и эгоизме богачей и о тирании, осуществляемой крупными промышленниками по отношению к правительству», немедленно вносились в черные списки.

ДАЖЕ ЗВЕРИ НЕ ВЫДЕРЖИВАЮТ

Среди товаров, поступивших в Австрию в счет «американской помощи», имеются консервы, приготовленные из рыбы, идущей в самой Америке только на удобрения. Газета «Фольксштимме» сообщает, что ни одно питающееся рыбой животное венского зоопарка, когда его пытались кормить этими консервами, не дотронулось до американских подарков.

КОНГРЕССМЕН В РОЛИ БЫКА

Журнал «Ньюс уик» опубликовал признание члена комиссии по расследованию антиамериканской деятельности Карла Э. Мундта в том, что он органически не выносит красного цвета. Мундт утверждает, что при одном только прикосновении к коже, окрашенной в красный цвет, или мебели, покрытой лаком, на его теле появляется нервная сыпь.

Такой рафинированности ощущений поистине может позавидовать испанский бык с арены цирка.

ПО ГИТЛЕРОВСКОМУ ОБРАЗЦУ

Несколько лет назад, в училище для девочек-правонарушительниц (штат Канзас) было насильственно стерилизовано свыше 60 учениц. В нескольких других штатах так же, как и в Канзасе, были приняты специальные законы, позволяющие производить эту операцию. При жизни Рузвельта верховный суд США отменил эти законы, но сейчас, как с тревогой отмечала газета «П. М.», снова поднялась усиленная кампания за узаконение стерилизации. Поборники ее публично утверждают, что этой операции следует подвергать всех «неисправимых девушек», которые лгут, крадут, убегают из дому, или попросту «в наказание за аморальные поступки». Американские вивисекторы бесстыдно заявляют, что принудительная стерилизация явится «могучим фактором» разрешения социальных проблем и «искоренения преступности и беззакония».

В Союзе советских писателей СССР

«Весна в Сакене»

Секция прозы обсудила повесть Георгия Гулиа «Весна в Сакене», открывающую пятую книгу журнала «Новый мир». Повесть рассказывает о послевоенной жизни абхазского села Сакен, расположенного в далеких горах. Фронтовик Кесоу возвращается в родной колхоз. Война научила его многому — находчивости, выдержке, непримиримости к врагам. Но и в колхозе за войну выросли новые люди, творческие работники. Происходит своего рода обмен опытом между фронтовиком и тружениками тыла. Кесоу и другие передовики колхоза, удачно сражаясь с пережитками прошлого, ведут свой колхоз навстречу новой весне.

В вступительном слове Е. Златова говорила о принципиально новом подходе автора к теме жизни братских народов. Поистине Г. Гулиа открывает русскому читателю Абхазию, отрываясь притом от традиционного любования экзотикой, кстати давным-давно изжившей себя, но встречающейся еще у иных писателей. Г. Гулиа иронизирует над пережитками, потерявшими в советской действительности корни, и нам становится ясным, что и умыкание невесты, и неверие в новые методы ведения сельского хозяйства, и собственнические инстинкты — все это отмирает, все это в прошлом. А если нет-нет они и проявятся сегодня, то выглядят смешным анахронизмом. И конфликты повести, казалось бы, завязывавшиеся на противоречии коллектива с этими пережитками, Г. Гулиа разрушает — они не жизненны.

Однако, отбросив обветшалые конфликты, Г. Гулиа не подметил новых. Отсюда путь героя повести слишком легок, герою не с кем и не с чем бороться. Это, по мнению Е. Златовой, придает произведению излишнюю идилличность.

Главный недостаток в целом хорошей повести, по мнению Н. Москвина, заключается в умалении всей предыдущей жизни села Сакен до возвращения туда после войны фронтовика.

Ф. Левин не согласился с ним. Герой повести — Кесоу приходит не на пустое место, он не начинает сначала. В селе живут передовые советские люди, которые и электростанцию строить собираются, и колхоз у которых в хорошем состоянии.

Достоинства «Весны в Сакене» Д. Данин видит в умении захватить описанием нам неизвестного материала и уверить в достоверности рассказа. Ирония Г. Гулиа, считает Д. Данин, снимает идилличность повести, так как ирония распространяется не только на отрицательных, но и на положительных героев.

В обсуждении приняли участие также А. Караваева, Н. Шкляр, В. Гольцев, А. Деев.

Г. Гулиа поблагодарил собравшихся за проявленный интерес к его повести и выразил признательность редакции журнала «Новый мир» за творческую помощь.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Приношу глубокую благодарность всем организациям и товарищам за сердечные приветствия по случаю моего 50-летия и 30-летия редакторской, издательской и литературно-общественной деятельности.

П. ЧАГИН,
директор издательства «Московский рабочий».

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ЯНКЕ КУПАЛЕ

МИНСК. (**Наш корр.**). В Минском архиве обнаружены две папки, содержащие семьдесят рукописей Янки Купалы. Среди этих рукописей оказались выдающиеся стихи поэта — «Беларуси ордэнаносной» и «Алеся Госци».

Как сообщила нам директор Минского музея Янки Купалы тов. В. Луцевич, музей недавно обогатился новыми документами, представляющими большую ценность для исследования творчества классика белорусской литературы. В числе этих документов — рукописи дореволюционного сборника стихов Янки Купалы «Шляхам жыцця», поэм «Сон на Кургане», «Бондаровна», комедии «Паулинка», черновики стихов, написанных в годы Великой Отечественной войны, письма поэта, воспоминания о нем близких и друзей.

Музей приобрел также документы, характеризующие отношение царского правительства к Янке Купале. Внимание посетителей привлекает дело о конфискации в 1908 г. первого сборника стихов поэта «Жалейка». Исключительно ценными являются документы, иллюстрирующие враждебное отношение к поэту правительства белопанской Польши, а также роль творчества Янки Купалы в национально-освободительном движении на территории Западной Белоруссии.

К шестой годовщине со дня смерти основоположника белорусской советской литературы подготовлен сборник стихов, посвященных Янке Купале поэтами Советского Союза.

По решению Совета Министров Белорусской ССР, в этом году начнется строительство нового здания музея Янки Купалы.

Б. ПЕСИС

Космополитический фашист

Известно раболепие французской черной сотни перед всеми застрельщиками международных империалистических авантюр — от Гитлера до нынешних американских претендентов на мировое господство.

Это раболепие наложило свою печать на французскую буржуазную литературу. Характерно, что космополитическая проповедь декадентов с особой энергией была пущена в ход профашистскими литературными группками как раз в момент захвата власти гитлеровцами. Блеск нацистской секиры ослепил космополитов так же, как впоследствии блеск доллара. Французский журнал «Новый порядок» в специальном «Послании г-ну рейхсканцлеру Гитлеру» зимой 1933 года почтительно извещал фюрера о существовании во Франции пятой колонны, «ведущей незримую работу, которая скажется завтра... Мы будем вместе строить новый порядок». Они заявляли о своей готовности подчинить «понятие родины» расовому фактору, т. е. захватническим планам гитлеровцев. «Реальный человек, — читаем мы в этой челобитной Гитлеру, — не может охватить естественным жестом эти огромные и бесформенные пространства, эти территории с абстрактными границами, которые называются современными государствами-нациями». Космополитизм всегда противопоставлялся подлинным интернациональным связям народов. Не случайно космополиты — ярые сторонники «американской партии» во французской литературе — являются ярыми противниками международной солидарности прогрессивных сил.

Путь французского космополитизма можно проследить в литературных и политических похождениях известного мюнхенца Жюль Ромэна. Вскоре после прихода к власти гитлеровцев, в 1934 году, Жюль Ромэн, по примеру «Нового порядка» и прочих профашистов, решил, что рассчитывать далее на «контакт с толпой — невозможно», поэтому необходимо «установить контакт с хозяевами толпы» (Жюль Ромэн. «Семь тайн европейской судьбы»). Ж. Ромэн стал тайным агентом Абеца и Риббентропа и раз'езжал с их поручениями по Европе. Своего патрона Абеца Жюль Ромэн об'явил «несомненно человеком доброй воли». В устах литературного лакея гитлеровцев этот титул имел особое значение. Как известно, «Люди доброй воли» — название многотомной серии романов Жюль Ромэна о Франции XX века, составляющих его главную литературную продукцию за последние 15 лет. Причислив к «людям доброй воли» нацистов, злейших врагов французского народа, Жюль Ромэн назвал подлинное, родовое имя своих героев. В его произведении нет ни Франции, ни ее истории. Идее родины, народа, его истории, его борьбы Жюль Ромэн противопоставляет в этом сочинении историю некоей международной космополитической секты «людей доброй воли», в которую входят: убийцы и шпики (Кинет), «пацифисты», связанные с немецким шпионажем (Лолерк), международный журналист Майкозен, состоящий на службе императора Вильгельма, интернациональные проститутки пера вроде Жаллеза, поставляющего американцам пасквили на Советский Союз, просто проститутки, диверсанты, белогвардейцы. Все они бродят из страны в страну в поисках кому бы продаться, ибо, по Жюль Ромэну, «добрая воля» есть готовность безропотно служить «хозяевам толпы», которых Ромэн признает единственными «жизнедеятельными центрами» истории. «Нужно только принять правила игры капиталистического строя, и тогда он платит хорошо»... Опыт «людей доброй воли» Ромэн противопоставляет «злой воле» тех интеллигентов, которые не приемлют «игры капиталистического строя».

Это произведение, от которого несет духом империалистических разведок, есть своеобразный холуйский миф; замысел его — изобразить самые продажные элементы капиталистического общества, как людей, якобы действующих по «доброй воле». Из всего «социального пейзажа» эти лакеи признают только барские кварталы Парижа. Всё, что за пределами этого роскошного привала космополитов — вся трудовая Франция, рабочие кварталы, воспитавшие коммунаров, одним словом, родина, — страшит их и не существует для них. Роскошные кварталы — это «Рим»; народная Франция — просто «область варваров», которые, того и гляди, вторгнутся в пределы Рима. Стараясь отделаться от этого грозного видения, герои Жюль Ромэна пытаются внушить простым людям Франции, что это они, народ, «живет здесь на бивуаках» и может быть согнан со своей земли хозяевами, как недостойный «слишком зрелой культуры».

Том за томом Жюль Ромэн пропагандирует эту «идею» расправы с французским народом и капитуляции перед агрессией. Какой бы период ни изображался, мы слышим все тот же фальшивый голос нацистского пропагандиста, выполняющего очередной приказ своего начальства. Особую похвалу от кагуляров и нацистов заслужила промюнхенская пропаганда Жюль Ромэна — его роман «Верден». «Петэну чрезвычайно понравился «Верден»... Риббентроп и Абец тепло отозвались о моем «Вердене» (Жюль Ромэн. «Семь тайн»).

Неудивительно: в «Вердене» Ромэн восхваляет империалистическую войну, как пролог к фашизму. Совершенно справедливо писал об этой книге американский прогрессивный журнал «Ньюмессес»: «Хотя фактический материал относится к Вердену, рассуждения неизменно тяготеют к фашизму».

В годы второй мировой войны, в самый трудный для Франции период, Жюль Ромэн не только не прекратил своей диверсионной деятельности, но еще усилил ее. Переселившись в 1940 году в США, он прежде всего решил «представиться» американской публике. С этой целью и была выпущена книжка «Семь тайн». «Европа превращена в развалины. Скрывать более нечего», — пишет Ромэн в предисловии к «Семи тайнам». И, действительно, он не скрыл ничего из того, что могло его рекомендовать новым работодателям за океаном; он перечислил в своей книге все подачки, все ливреи, полученные за гитлеровской службе. Не забыты были даже «хризантемы всех оттенков», которыми Ромэна забросали эсэсовцы.

Окончательная «американизация» космополитов породы Жюль Ромэна происходит в последнем прочитанном нами выпуске «Людей доброй воли» (том 24), озаглавленном «Встречи» и вышедшем в конце войны. Здесь Франция реально не существует вовсе. Она служит лишь гостиницей для прибывающих из разных концов мира авантюристов. Один из них, Жаллез, с'ездил на поклонение в США и возвратился во Францию «мистическим бродягой... с примесью чего-то американского». Он прошел полный курс американского образа жизни, перенял даже пошлые остроты по адресу негров и готов «простить Нью-Йорку все за его величие». Другой — Аверкан, авантюрист того же международного стиля, но только его специальность — финансовые аферы. Он прибывает из Лондона. Понюхав воздух рабочих кварталов Парижа, они приходят в состояние паники и предлагают два выхода: либо диктатура типа Муссолини, либо диктатура бизнесмена. Одним словом, к концу войны Жюль Ромэн решил, что пора освежить европейский фашизм с помощью «примеси чего-то американского».

Во Франции Жаллез чувствует себя «иностранцем». Изображая его встречу с дамой легчайшего поведения в шикарном космополитическом кафе, Жюль Ромэн пишет: «То был момент, когда Жаллез примирился со своей эпохой». В этом космополитически-порнографическом упоении Жаллез произносит на террасе кафе следующую тираду: «Это место не имеет себе равных в мире... Здесь нулевой меридиан. Здесь нация освобождена от самой себя. Она служит лишь для усложнения центрального орнамента мира». Здесь, говорит он, вместо национальностей, есть лишь «делегации», «отрешенные от места своего происхождения» и «влюбленные в место встречи».

«Идея» ясна. Это — низведение родины до уровня «места происхождения» и возвеличение некоего монопольного «места встречи», для которого национальное существование народов есть лишь «орнамент», легкая забава, услаждающая туристов с долларами в кармане.

Нынешний французский космополитизм, осатаневший под воздействием американского военного психоза, стал орудием «американской партии» во французской литературе. Так, Жорж Бернанос прямо требует от французов признать Америку «своей дорогой родиной». Если, паче чаяния, французы не согласятся, то Бернанос просит американцев «сыграть игру быстро и открыто с помощью превосходящих сил американской авиации».

Космополитические прислужники империализма забывают, что замыслам их хозяев ныне противостоит фронт народов, связанных узами интернациональной солидарности и готовых отразить любые покушения на национальную независимость и свободу. Простые люди научились зорко смотреть не только за «боссами», но и за их лакеями.

Л. Б. МОДЗАЛЕВСКИЙ

26 июня трагически погиб доктор филологических наук, старший научный сотрудник Пушкинского дома и архива Академии наук СССР Лев Борисович Модзалевский. Сын известного историка литературы и пушкиниста Б. Л. Модзалевского, — Лев Борисович начал работу в Академии наук более четверти века назад 17-летним юношей, еще в бытность свою студентом 1-го курса факультета общественных наук Ленинградского государственного университета. Человек огромной эрудиции и культуры научного труда, один из лучших специалистов архивного дела в нашей стране, Л. Б. Модзалевский оставил более 100 печатных трудов по истории русской литературы и науки. Особенно много сделано им для изучения жизни и деятельности Пушкина, Ломоносова и Лобачевского.

Осенью 1941 года, находясь в осажденном Ленинграде, Л. Б. Модзалевский принял участие в спасении величайших научных ценностей Пушкинского дома и Пулковской обсерватории.

Преждевременная смерть талантливого ученого, подлинного патриота, достигшего расцвета творческих сил, всю свою жизнь посвятившего изучению истории культуры нашей Родины, — тяжелая утрата для советского литературоведения и историографии. Умер хороший, жизнерадостный друг, человек большого сердца.

С. Вавилов, И. Мещанинов, А. Еголин, Н. Бельчиков, В. Бонч-Бруевич, Л. Плоткин, Б. Мейлах, Т. Шаргородский, Н. Бродский, Д. Благой, Б. Томашевский, Б. Эйхенбаум, С. Бонди, Т. Цявлонская-Зенгер, А. Слонимский, Н. Измайлов, Н. Ашукин, И. Новиков, В. Мануйлов, И. Андроников, М. Беляев, И. Зильберштейн, С. Макашин, М. Ашукина-Зенгер, А. Дерман, П. Попов, И. Фейнберг.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники и отдел писем — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б—02612